
Атомизм и алфавитный принцип. Материалы “круглого стола”

Главная задача участников “круглого стола” состояла в рассмотрении гипотезы о связи атомизма с алфавитным принципом. Поскольку атомизм возник в двух древних цивилизациях – древнегреческой и древнеиндийской, объединенных принадлежностью индоевропейской языковой семье, – то обсуждался вопрос, могла ли структура индоевропейского языка, то есть составленность сложных языковых явлений из простейших элементов, слов – из отдельных и неделимых звуков-букв, послужить эвристическим прототипом для возникновения учения об атомах в Греции и в Индии. Правда, в отличие от древнегреческой культуры, особенность древнеиндийской состоит в том, что там анализ языка основан на “атомизации” не письменной, а звучащей речи, чему способствовало раннее развитие фонетики. Факт отсутствия атомизма в китайской культуре, построенной на иероглифической системе письма, также приводится сторонниками “лингвистической” гипотезы как аргумент в ее пользу.

The main objective of the Round table was to examine hypotheses concerning the possible connection of origin of atomism with the alphabetic principle. Since atomism arose in two ancient civilizations – Greek and Indian belonging to the Indo-European language family, there arise a question of whether the structure of Indo-European language, that is the composition of complex linguistic phenomena from the simplest elements: of words – from individual and indivisible sounds or letters – could serve as a heuristic prototype for the doctrine of atoms in Greece and India. However, in contrast to the ancient Greek culture, the specific feature of ancient Indian tradition consists in the fact that due to the predominant oral transmission of sacred knowledge and early development of phonetics the analysis of language deals with exclusively oral speech-units. The absence of atomism in Chinese culture, which is based on the hieroglyphic system also provides an argument in favor of the hypothesis of “linguistic” origins of atomism.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык, алфавитный принцип, атомизм, фонема, буква, иероглиф, алфавитное письмо, устная традиция.

KEY WORDS: language, alphabetic principle, atomism, phoneme, letter, hieroglyph, alphabetic writing, oral tradition.

Участники:

Иванов Вячеслав Всеволодович – доктор филологических наук, академик РАН, член Американской академии наук и искусств, Американской философской ассоциации, Совета ученых Центра Клоге Библиотеки Конгресса, Британской академии, Академии наук Латвии, почетный член Американского лингвистического общества, профессор кафедры славянских языков и литератур и Программы индоевропейских исследований Калифорнийского университета. Директор Русской антропологической школы РГГУ и Института мировой культуры МГУ.

Кобзев Артем Игоревич – доктор философских наук, профессор. Заведующий отделом Китая Института востоковедения РАН, декан факультета гуманитарных наук, зав. кафедрой культурологии, руководитель учебно-научного центра “Философия Востока” РГГУ.

Солопова Мария Анатольевна – кандидат философских наук, научный сотрудник ИФ РАН.

Емельянов Владимир Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры семитологии и гебраистики СПбГУ.

Лебедев Андрей Валентинович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИФ РАН, профессор РГГУ и Критского университета (Греция).

Шахнович Марианна Михайловна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения СПбГУ.

Вдовина Галина Владимировна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИФ РАН.

Лысенко Виктория Георгиевна – доктор философских наук, заведующая сектором восточных философий ИФ РАН, профессор Русской антропологической школы РГГУ.

Захарьин Борис Алексеевич – доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ, заведующий кафедрой индийской филологии ИСАА при МГУ.

Тавастшерна Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры индийской филологии СПбГУ.

Вертоградова Виктория Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ.

Канаева Наталия Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии факультета философии НИУ ВШЭ.

Буданов Владимир Григорьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИФ РАН, профессор философского факультета МГУ, профессор кафедры организации социальных систем и антикризисного управления РАГС при Президенте РФ.

Касевич Вадим Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры китайской филологии Восточного факультета СПбГУ, заведующий кафедрой междисциплинарных исследований в области языков и литературы факультета свободных искусств и наук СПбГУ, главный редактор журнала “Язык и речевая деятельность”.

Недель Аркадий Юрьевич – доктор философии, преподаватель Университета “Париж 1”, приглашенный профессор в Университете Перадения (Шри-Ланка).

Герасимова Ирина Алексеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник ИФ РАН, профессор кафедры философии Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина.

1. К докладу Вяч. Вс. Иванова (см. стр. 29–38)

А.И. Кобзев: Я присоединяюсь к тому, что сказал Вячеслав Всеволодович. Конечно, аналогия между атомизмом и алфавитным принципом в древней Греции и вообще в индоевропейском ареале довольно банальна, и спор о том, кто первый её выдвинул, в такой трактовке непродуктивен. На мой взгляд, самим греческим мыслителям середины I тысячелетия до н.э. это было очевидно. Я проведу аналогию: существовало ли сейчас, ссылались ли создатели первых компьютеров Дж. Атанасов и К. Цузе при реализации в них двоичного принципа (учитывая возможность других принципов: троичного, десятичного и т.д.) на Лейбница, Буля и т.д.? Ясно, что нет! Они могли ни о чем подобном не говорить, но очевидно, что этот принцип был реализован.

Теперь – что касается самого двоичного принципа. Человечество, как всякий биологический вид, выжило и выживает с помощью бинарной поляризации путей развития и соответствующих способностей. В ходе сапиентации оно постоянно сталкивалось с бифуркационными процессами. Уже упомянутые тут неандертальцы представляли собой альтернативу кроманьонцам, и, по-видимому, подобные разветвления генеалогического древа проточеловека случались и раньше. Бинарна не только эволюция человека, но и его морфология. Он двоичен на всех уровнях телесности – от внутриклеточной двойной спирали ДНК до парности основных органов и половой дифференциации. Двуполушарен и главный биологический фактор культуры – человеческий мозг. Вполне естественным

представляется возникновение на таком основании бинарных социальных структур: от простого деления примитивных сообществ на две половины, мужскую и женскую, а власти в них на царскую и жреческую, до сложных парных сочетаний государства с правящей церковью или партией. Особая значимость бинарной оппозиции издревле нашла отражение в языке как двойственное число, а в мировоззрении – как миф о двойничестве. Понятно, что этот универсальный принцип не может быть не воплощен и в культуре в целом. Одним полюсом такой глобальной альтернативы является западная культура, которая включает в себя не только средиземноморскую по происхождению европейско-американскую, но и арабо-мусульманскую, и индо-иранскую культуры. Другой полюс – культура Китая и сопредельных ему стран, синоиероглифическая. Некоторые варианты развития сохраняются и в более простых, даже примитивных формах, но в данном случае я обращаюсь к обществам, сравнимым по культурному развитию. Сравнимость подразумевает полное наличие там и тут всего набора основополагающих культурных форм и прежде всего методологически значимой для них философии.

Две конечности этой евразийской ойкумены характеризуются фундаментальными культурологическими оппозициями, которые имеют глубокие биосоциальные корни, будучи связаны со строением мозга и с различными путями сапиентации. Нам уже известно, что, как бы ни происходил процесс сапиентации, в европейско-африканском очаге шло непрерывное развитие человека два с лишним миллиона лет, и то же самое происходило в районе Хуанхэ и Янцзы. По-видимому, сапиентация человека проходила в этих очагах вместе с формированием языка и соответствующего психотипа, то есть цивилизационные различия строились на этом фундаментальном психосоматическом расхождении. Первый уровень дифференциации – иное строение человека, другой его тип с другим взаимодействием асимметричных полушарий мозга. И это непосредственно связано с использованием алфавитного (фонетического) или иероглифического (логографического) письма, что показано эмпирически (основные результаты давно опубликованы и в трудах Вяч. Вс. Иванова, в частности в книге 1978 г. “Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем”). Установлено, что у носителей синоиероглифических языков восприятие иероглифа мозгом происходит иначе, чем восприятие букв, и нарушение деятельности левого полушария приводит к невозможности использовать алфавитное письмо, а возможность воспроизводить иероглифику сохраняется. Как исторически более древнее и базовое, синтетическое и холистическое правое полушарие отличается большей стабильностью, и в этом смысле оппозиция правого–левого полушарий имеет не только синхронный, но и диахронный аспект (наподобие оппозиции женщины и мужчины: первая – хранительница базовых человеческих качеств, второй же – “экспериментальное” существо, которое приобретает и проверяет на себе новые и потому потенциально опасные качества).

Правое полушарие работает с иероглификой, но с нею работает и левое полушарие. Поэтому у носителей иероглифической культуры, способных реализовать и тот и другой принцип, больше разных возможностей. Тут действует и биомеханика написания текстов: обычно иероглифика связана с леворукостью и писанием справа налево, а не слева направо. Для китайцев же характерны обе модели: они могут писать и сверху вниз, и слева направо, и справа налево, а гексаграммы “Канона перемен” (“*И цзиня*”) – даже снизу вверх. Написание иероглифа и иероглифического текста даже в традиционном стандарте дает в целом оба вектора, поскольку иероглиф пишется слева направо и сверху вниз, а весь текст – справа налево и сверху вниз. Это означает большую адаптивность китайцев к разным направлениям записи и считывания письменных знаков, что фактически порождает новое качество – их нелинейного восприятия, столь значимого в компьютерных технологиях. А в современных (электронных) системах воспроизведения иероглифических текстов они еще более адаптивны, потому что используют и алфавитный принцип, и иероглифический, так как ввод иероглифики происходит через фонетическую транскрипцию латинскими буквами.

Второй уровень дифференциации – лингвистический. В апреле 2013 г. на международной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки в

Санкт-Петербургском университете профессор В.Б. Касевич в максимально общей форме продемонстрировал типологический смысл понятия “восточные языки”, которые являются 1) слоговыми (силлабемными) с базовой единицей – слогоморфемой и слабым отличием слова от словосочетания, 2) тональными и 3) отличающимися факультативностью грамматических показателей. Данный языковой тип как раз характерен для китайского культурного ареала, в котором к указанным признакам добавляется еще более специфичная иероглифика.

На первый взгляд главное преимущество алфавитного письма – прямая передача звучащей речи. Но на самом деле во всех развитых иероглифических системах также существуют способы её передачи. Более того, история китайской иероглифики знает ряд драматических периодов, когда создавались предпосылки и возникал соблазн перехода на алфавитное письмо. За последнее время в Китае обнаружены памятники письменности, сопоставимые с древнейшими письменами человечества, о которых здесь говорилось, но до этого значительными, хотя и необъяснимо высокоразвитыми, считались мантические надписи на панцирях черепах и лопаточных костях крупного рогатого скота второй половины II тыс. до н.э. Уже в них заметна тенденция к фонетизации, а именно использование так называемых заимствованных иероглифов – на основании одинакового звучания применявшихся для записи совершенно разных слов (главным образом из-за ограниченности знакового ресурса). И уже тогда, в первые века I тыс. до н.э., как полагают специалисты, мог бы быть произведен аналогичный и даже синхронный западному переход к алфавитному письму. Но этого не произошло, и количество иероглифов стало увеличиваться в разы, а их написание – стандартизироваться. Через пять столетий сложилась сходная ситуация. Проведенная Цинь Ши-хуаном в 213 г. до н.э. реформа письменности повлекла за собой существенное изменение иероглифов и обозначила развилку, точку бифуркации: или вводить дополнительные фонетические детерминативы в состав самих иероглифов, или переходить на алфавитное письмо. В результате пошли по первому пути, сохранив иероглифическую традицию. По прошествии еще почти полутысячелетия, после проникновения буддизма и знакомства с индийской лингвистикой в первые века н.э. была создана специальная система *фань-це* для передачи звучания иероглифов. По этой методике соотносимый с иероглифом слог делился на инициаль и финаль, которые в свою очередь обозначались двумя другими иероглифами. Здесь явно появилась возможность выделения ограниченного набора простых символов для записи звучания иероглифов, то есть прямого шага к алфавитному письму, тем более что соответствующий пример давали священные книги буддизма. Но вновь ничего подобного не произошло, а все свелось ко взаимному перекодированию одних иероглифов другими.

Следующий этап – знакомство уже через полторы тысячи лет благодаря христианским миссионерам с латиницей. Но и этот соблазн алфавитного письма был преодолен, хотя, к примеру, Наклаас Триго (Цзинь Ни-гэ, 1577–1628) издал в Ханчжоу в 1626 г. справочник для чтения китайских иероглифов “*Си-жу эр-му цзы*” (“Пособие западных ученых для ушей и глаз”), который оказал влияние на ученого-энциклопедиста Фан И-чжи (1611–1671), впервые в Средней империи осознавшего преимущества латинского алфавита для транскрибирования китайских слов.

В XX в. по крайней мере трижды в Китае и даже за его пределами, в СССР, предпринимались весьма серьезные попытки произвести романизацию, или латинизацию, китайской письменности, но и эти проекты провалились. Мой вывод из всей этой истории состоит в том, что, несмотря на кажущиеся явные преимущества и влиятельные внешние протекции алфавитного письма, оно тысячелетиями регулярно отторгалось китайской культурой. Действующий ныне против иероглифики мощный фактор глобализации с лихвой компенсируется за счет преодоления с помощью современных компьютерных технологий ее главного недостатка – повышенной сложности воспроизведения. Более того, будучи независимой от фонетики какого-то отдельного языка, она благодаря хитрости мирового разума неожиданно превратилась из заслуженного, но устарелого ветерана в конкурентоспособного претендента на роль универсального средства международного общения в

Интернете. Лавинообразно нарастающая на наших глазах визуализация информационных потоков придаёт вторую молодость древнейшей культуре иероглифических изображений, принципиально отличной от более молодого, исконно западного и фонетически девиализированного алфавитного письма.

Хочу отметить важный момент. В глобальной альтернативе культур иероглифический и алфавитный принципы представлены не в строгой дизъюнкции. Их соотношение можно описать в биологических категориях доминантного и рецессивного: и там и тут присутствуют оба принципа, но доминирует один, а другой пребывает в рецессивном состоянии, сохраняя таким образом возможность при благоприятных условиях сменить второстепенную роль на главную. Это положение также напоминает знаменитую китайскую модель *инь-ян*, в которой один противоположный элемент внедрен в другой и они циклически меняют свои позиции.

Еще один нюанс – вопрос о восприятии китайцами как носителями слогового языка отдельных звуков. Прежде всего тут речь идет о психолингвистических особенностях. Легко заметить, что китайцы просто физически не могут произносить отдельно согласные звуки, а произносят их только в сочетании с гласными, то есть как слоги. Это прямое эмпирическое доказательство того, что базовой единицей их речевой деятельности является слог, а не звук. Русскоязычный человек без труда произносит сочетания двух, трех и даже четырех согласных, тогда как в китайской речи они превратятся в сочетания двух, трех и так далее слогов, выраженных соответствующим количеством иероглифов. Идентификация таких замысловатых транскрипций с их иноязычными оригиналами весьма затруднительна. Разумеется, это не означает, что китайцы не могут осознать звуковой состав произносимых ими слогов. Правда, такое осознание к ним пришло после знакомства благодаря буддийским паломникам с неслоговым языком, санскритом, и с достижениями индийских фонетистов. В итоге со второй половины I тыс. н.э. китайские ученые стали создавать фонологические таблицы (*юнь-ту*), в которых с помощью фонем классифицировали слоги. Но и здесь, повторяю, уже после основательного знакомства с иной языковой практикой и теорией, деление слога не доходило до отдельного звука, а ограничивалось его дихотомией на инициаль и финаль. Эта чрезвычайно сложная научная деятельность, основанная на неэксплицированной и в значительной мере загадочной теории, имела целью не выделение первичных элементов слогов, а их удобную классификацию. И в общем плане: одно дело – видеть часть целого в качестве таковой, а другое – выделять ее как самостоятельный элемент. Одно дело – пассивно воспринимать, другое – активно употреблять. Поэтому, в частности, сложилась парадоксальная историко-научная ситуация: в Европе фонология начала отделяться от традиционной фонетики лишь на рубеже XIX–XX вв., а в Китае, наоборот, примерно в это же время стала возникать под западным влиянием фонетика, отличная от традиционной фонологии.

Теперь об идее актуальной бесконечности. Рискну сделать некоторое обобщение, связанное со следующим после естественного языка и письменности уровнем дифференциации двух полярных культур. Он охватывает базовые ритуалы и мировоззренческие представления. Я вижу основную оппозицию в поведении оседлых земледельцев и кочевых скотоводов, для первых главное – пространство, для вторых – время. Центральный ритуал – похороны – в иероглифических культурах земледельцев предполагал погребение (в идеале с мумификацией), то есть максимально долгое сохранение тела усопшего в пространстве этого же мира, а в алфавитных культурах кочевников – сожжение, то есть наиболее радикальное его изъятие из пространства этого мира для перехода в идеальное время – вечность. Смысл погребального костра – в полной дематериализации и обретении принципиально иного состояния. Здесь возникала идея инобытия как лучшего мира, который не имманентен, а трансцендентен земному пространству. И отсюда произрос западный, индоевропейский идеализм, не возникший ни в Египте, ни в Китае, где в схожих иероглифических культурах с одинаковой бережностью сохраняли тела умерших и умело их мумифицировали. Если египетский натурализм можно объяснять зачаточным состоянием философской мысли, то этот аргумент не годится для Китая. Его развитая

философия, как и в случае с санскритом и индийской лингвистикой, несмотря на знакомство с буддизмом и другими вариантами индийского идеализма, упорно держалась исконного натурализма. Идея же актуальной бесконечности по своей философской сути – идеалистическая. Материалистически можно представить только потенциальную бесконечность.

Тут мы подошли к следующему уровню – генеральной оппозиции иероглифического китайского натурализма и алфавитного западного идеализма. В культуре, где развилась идеалистическая философия, выделяются три важные особенности, аналогичные алфавитному принципу.

Во-первых, буква является компонентом количественно ограниченного набора: алфавиты колеблются в основном числовом диапазоне от 20 до 40 знаков (с экзотическими вариантами – от 12 до 72), а иероглифические системы содержат на порядок большее количество знаков и принципиально открыты, имея возможность постоянно пополняться до невообразимых размеров. Так, китайских иероглифов в эпоху Шан-Инь (XVII/XV–XI вв. до н.э.) было примерно 3000, около 100 г. н.э. – 10 000, в начале XVIII в. – 50 000, а к концу XX в. – почти 90 000. И нет принципиальных пределов этому росту.

Во-вторых, буквы находятся в существенно ином отношении к словам. Это самое важное – они знаменуют собой качественный скачок. Буква десемантизирована в отличие от всегда наделенного смыслом слова. А соединение букв в слово рождает смысл (логос), что буквально напоминает божественный акт творения из ничего. Напротив, в любой иероглифике, и в частности в китайской, все знаки одинаково осмыслены и не дают никакого повода для подобного идеалистического представления.

Когда первые европейские миссионеры столкнулись с китайским языком, они умудрились усмотреть в нем грамматику, подобную латинской, хотя нет ничего более далекого друг от друга, и представители следующего поколения западных языковедов даже стали отказывать ему вообще во всякой грамматике. Сходным образом, пытаясь классифицировать китайские иероглифы, западные ученые стремились выделить или сконструировать иероглифический алфавит. В этой связи хочу упомянуть важное достижение отечественной науки: наш выдающийся синолог академик В.П. Васильев (1818–1900) в середине XIX в. изобрел такого рода алфавитную, основанную на 24 чертах и их 60 комбинациях, “графическую систему китайских иероглифов”, которая возобладала в отечественных китайско-русских словарях как удобная поисковая система. Есть предположение, что через приложившего руку к ее усовершенствованию япониста О.О. Розенберга (1888–1919), в начале XX в. находившегося в Токио, с ней познакомился известный издатель и автор знаменитого толкового словаря Ван Юнь-у (1888–1979), который разработал популярную словарную систему поиска иероглифов “по четырем углам”. В ее основе лежит алфавит из десяти черт и их сочетаний, и ныне она применяется для компьютерного ввода иероглифов. Данный подход, исходящий из иероглифической графики, противоположен фонетическому, но и он, возможно, в своих истоках был стимулирован знакомством с иноземным алфавитом. Впервые такая система из 540 “ключевых” иероглифов была представлена Сюй Шэнем (ок. 58 – ок. 147) в первом в Китае полном толково-этимологическом словаре “*Шо-вэнь цзе-цзы*” (“Изъяснение слов и анализ знаков”) в 100 г. н.э., то есть после проникновения в страну буддизма. После же прибытия в Китай католических миссионеров Мэй Ин-цзо в словаре “*Цзы хуй*” (“Свод иероглифов”) в 1615 г. предложил значительно больше напоминающий алфавит и ставший классическим набор из 214 “ключей”. В современных модернизациях он иногда сужается до 189 или расширяется до 250 иероглифов. Несмотря на возможное иницилирующее влияние иноземных алфавитов, эти классификационные системы следуют исконно китайскому принципу семантической одноуровневости классифицируемых и классифицирующих знаков, выделяя в качестве “ключей” более простые по написанию и более общие по смыслу иероглифы, а не их десемантизированные элементы. Иначе говоря, китайские аналоги букв оказываются все теми же иероглифами.

В-третьих, буквы как элементы иного уровня и совершенно другого качества, нежели слова, образуя их, становятся для них тем же, чем являются атомы для вещей.

Ничего подобного нет в иероглифике. Аналогичным образом западные теоретические модели, отражающие трансцендентную реальность, потребовали специальной, не словесной, а цифровой и буквенной символизации, то есть использования своеобразных знаковых атомов. В Китае, напротив, в подобной роли выступали все такие же иероглифы.

И наконец, подчеркну одну важную мысль: об инокультурных влияниях. История показывает, что переход от иероглифики к идее буквы и алфавитному письму связан со сменой культурной доминанты. Логика понятна. В контакт со сложной, развивавшейся веками культурой (шумеро-аккадской или египетской), вошли кочевые народы, более простые, но и более пассионарные, у которых возникла потребность освоить накопленные соседями достижения, зашифрованные с помощью иероглифики. Для торговцев и путешественников слишком сложны священные письмена жрецов, и они максимально упростили их самые простые формы, получив таким образом новое качество. Перехватив культурную инициативу, они сделали доминирующим упрощенное буквенное письмо. Если культура господствует в своем ареале, что испокон веку наблюдалось в Китае, то эти алфавитные соблазны не вызывают отказа от своего собственного магистрального пути развития.

Описанная цепь взаимосоответствий от базовых антропологических и лингвистических характеристик обоих типов культур до их высших форм, связанных с философскими обобщениями, является как минимум коррелятивной. Можно, конечно, спорить о том, что было причиной, а что следствием: алфавитное ли письмо стимулировало рождение атомизма или, наоборот, архаическое атомизирующее мировоззрение привело к изобретению алфавита. Но исторические даты появления алфавитного письма и атомизма бесспорно свидетельствуют в пользу первого варианта. Разумеется, “после этого” не значит “вследствие этого”, но здравый смысл и признания самих древних авторов говорят о зависимости научно-философской идеи от общепринятой в период ее появления культурной практики, ставшей если не причиной, то, как минимум, эвристическим принципом.

М.А. Солопова: У меня есть сомнение в том, что ряд “Демокрит – атомы – буквы” является несомненным фактом. Едва ли можно столь уверенно приписывать атомистам (мы будем под ними понимать Левкиппа и Демокрита, то есть авторов V в. до н.э.) идею связи атомов и букв алфавита. По-видимому, в греческой классической философии идея связи первоначал и букв укоренилась благодаря Платону, который ввел в философию термин *stoikheion* (στοιχεῖον) и напрямую проводил аналогию между элементами, *stoikheia*, и буквами. После Платона, а именно у Аристотеля, мы находим знаменитое сравнение атомов с буквами. Да, мы привыкли это место из “Метафизики” воспринимать как фрагмент Демокрита. Однако что у нас есть?

Имеется фрагмент из “Метафизики” (A4, 985b14–20), в котором читаем про эти буквы (A от N отличается формой, AN от NA – порядком, и так далее). Под вопросом аутентичность данного фрагмента. Во-первых, в тексте прямо не сказано: “Демокрит говорил так”. Рассуждение, посвященное атомизму, позволяет нам предполагать, что речь идет о сравнении, которое было использовано самим Демокритом. Но, в общем, там этого не написано. Равно допустимо прочитать этот текст так, что сам Аристотель вводит пример с буквами, чтобы лучше пояснить, каковы основные свойства атомов.

Итак, первое: возможно, это не пересказ (и во всяком случае не цитата) Демокрита, это изложение – в котором, опять-таки возможно, содержится интерпретация Аристотеля. Весь пример с буквами – его, Аристотеля, интерпретация.

Есть еще и второе. Эти буковки дают повод задуматься, надежен ли текст самого Аристотеля. Там есть буквы “альфа” (A) и “ню” (AO – пример того, что атомы отличаются формой). Далее, атомы могут отличаться порядком следования, и этому соответствует пример со слогами: AN в отличие от NA. Про размер у Аристотеля не сказано, у Аристотеля примера на размер нет. А вот третье свойство – поворот в пространстве. И там стоят буквы Z (“дзета”) и N (“ню”), – но буквы, графемы Z не было во времена Демокрита и

Аристотеля. И, собственно, в комментариях С.Я. Лурье можно найти обсуждение этого момента. Обратите внимание, нашего примера с буквами в критическом издании Лурье нет. Этот фрагмент есть в издании досократиков Дильса. Не было буквы! Значит – что? Или это вообще пример не аристотелевский (допустим, позднее вставили, – но это был бы чрезмерный скептицизм). Или у Аристотеля был пример с “этой” (*Η*) и ранней формой “дзеты” (она писалась, как положенная на бок “эта”, с вертикальной, а не косой чертой). В шеститомной “Истории греческой философии” Гатри в соответствующем томе и главе, посвященной философии Демокрита, имеется упоминается об этом буквенном вопросе (Ссылка на примечание Гатри была в моей статье: *Солопова М.А.* Античный атомизм: к вопросу о типологии учений и истоках генезиса // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 157–168). А может, там были даже “гамма” и “лямбда” в ее старом написании (так, в одном из комментариев Иоанна Филопона использован пример с “гаммой” и “лямбдой”).

Итак, назвать “фактом”, что Демокрит связывал атомы с буквами, основываясь вот на этом тексте Аристотеля, мы не можем. Другого текста нет. Мы можем принять эту интерпретацию как выгодную для нас, исследователей связи атомизма и алфавита, но при этом осознавать, что это гипотеза, очень ладная и красивая гипотеза. С ней связаны обозначенные трудности и вопросы: текст ли это Демокрита, текст ли это Аристотеля, почему там именно эти буквы...

У комментаторов Аристотеля сравнение атомов с буквами есть. В частности, пример с буквами использует Иоанн Филопон в комментарии к “О возникновении и уничтожении”. Но все же комментаторы уже читали и Платона, и традицию эллинистическую, где начала эта тема жить. Алфавит, буквы, – это все было интересно, контексты возникали, они, соответственно, могли быть использованы в позднейшей традиции комментарии к тому же Аристотелю.

В заключение хочу сказать, что при всем этом базовый тезис А.И. Кобзева, что греки сами рефлексировали по поводу алфавита и атомов, все равно остается в силе. В самом деле, Демокрит или Аристотель, 70–100 лет – не такая уж и большая разница, к которой и сводится мое уточнение.

В.В. Емельянов: Тема круглого стола представляется мне актуальной в нескольких аспектах. Во-первых, это вопрос о связи представлений об атоме (то есть сущности неделимой, позитивной и финитной) с определенной стадией в развитии письменности. Во-вторых, это проблема зависимости абстрактной категории от особенностей и возможностей культуры, в которой живет изобретатель этой категории. В-третьих, это наиболее общий вопрос, связанный с возможным действием антропного принципа: обусловлена ли возможность нашего представления об атомах их объективным существованием или она является только порождением культуры на определенной стадии ее развития? Если последнее более вероятно, то является ли наша сегодняшняя картина мира до конца объективной? Ведь если представить себе, что категория атома формировалась только в эпоху первоначального распространения алфавита, то следует задаться вопросом, не могло ли применение других видов письма привести к существенно иному категориальному аппарату науки и философии, а следовательно – и к иной картине мира.

Представляется необходимым при ответе на первый вопрос не отступать от принципа историзма и придерживаться правила Ф. Броделя, согласно которому сложное явление культуры не может иметь только одну причину. Если говорить о связи категории атома с алфавитным письмом, то предпочтительнее не выводить одно из другого, а представить их в ряду синхронных и похожих феноменов как результат определенной стадии в развитии культур древнего мира. Но для начала выдвинем две антитезы основного тезиса.

Категория атома возникает в греческой и индийской философии приблизительно в V–IV вв. до н.э. Согласно предложенному тезису, представление об атоме связано с алфа-

витом и концептом буквы. Нетрудно также заметить, что индийская и греческая культуры являются порождением общей индоевропейской традиции. Поэтому может возникнуть дополнительное предположение, что концепт атома присущ только данной культурной традиции. Опровергнуть оба предположения можно следующим образом. Во-первых, с одной стороны, греческая культура не была изобретателем алфавитного письма, а индийская культура долгое время, до Ашоки, оставалась бесписьменной. С другой стороны, подлинными изобретателями алфавита финикийцы, равно как и арамеи, которые стали первыми использовать алфавит, так и не пришли к представлениям об атомах. Во-вторых, хетты и иранцы, несмотря на высокое развитие этих индоевропейских культур, также не стали атомистами. А между тем иранцы тоже использовали алфавитное письмо. Следовательно, дело не в алфавите и не в происхождении народов. Попробуем посмотреть на проблему иначе.

Согласно наблюдениям К. Ясперса, в первой половине I тыс. до н.э. у некоторых народов древнего мира одновременно развиваются сотериологические религии, философия и театр. Он называет этот период истории “осевым временем” и датирует его VIII–II вв. до н.э. Добавлю от себя, что в эту эпоху появляется представление об индивидуальном авторстве, возникает интерес к фиксации и празднованию дня рождения (что отмечено Геродотом еще как странный обычай), создаются первые гороскопы рождений. Все эти особенности свидетельствуют о синхронном развитии принципов дискретно-абстрактного рассмотрения объектов и дискретно-персонального (в перспективе – биографического) рассмотрения человека. Появляется понимание внутреннего мира человека как части его личности, и вместе с тем – понимание уникальности и свободы человека. Алфавит же возникает в самом конце II тыс. до н.э., в преддверии “осевого” времени, когда все народы древнего мира приходят в бурное движение: происходит Троянская война, иудеи переселяются в Палестину, ассирийцы захватывают южную Месопотамию, финикийцы и греки сменяют в роли лидеров египтян и вавилонян. В это время появляется буквенная клинопись Угарита, а в египетской иероглифике начинают различать иероглифы, употребляемые только в буквенном значении. Поэтапный переход от словесно-слогового письма к буквенному свидетельствует о переходе от множественного содержания знака к единственному, к осознанию единства знака и его значения. Те же самые процессы будут происходить спустя несколько веков уже не с письменным знаком, а с самим человеком. Его вдруг поймут как уникальное существо с присущим ему индивидуальным содержанием. Атомизм и религия спасения, атомизм и биография так же исторически близки, как атомизм и алфавит. И хотя далеко не у всех народов, у которых возникают сотериологические религии, алфавит и биографии, появляется атомизм, но он появляется у всех народов, у которых в V–IV вв. до н.э. возникают философия и театр. И вот при ответе на вопрос, почему это так, нам поможет только наука история.

Атомизм, философия и театр – максимально близкие феномены духовной культуры. Они не обуславливают друг друга, но проистекают из одной и той же исторической реальности. В обществах, где появилась возможность отвлечения человека от непосредственной государственной и производственной деятельности, где ему позволено быть созерцателем и маргиналом, как в Греции, или отшельником, как в Индии, возникает и отвлеченное мышление такого человека, то есть дискретно-абстрактное рассмотрение объектов внешнего мира. До сих пор, в условиях городов-государств и империй древности, существовало только дискретно-конкретное мышление, рассматривающее все сущности как материальные предметы или как явления, обладающие излучением.

Для того, чтобы возникла фалесовская идея о происхождении всего из воды, необходимо было отвлечение от конкретной воды (дождевой, морской, арычной) и представление о космосе как прекрасном, цельном устройстве мира (у шумеров концепт “мир” обозначался числительным 3600, что означало “бесчисленное множество”). А такое отвлечение могло дать только отвлечение от действий с объектами внешнего мира, неучастие в нем. Отвлечение давало ту дистанцию, которая позволила отделить сценическое действие от зрителей, а воду (воздух, Логос, апейрон) – от чувственного восприятия ее свойств. Мы знаем, что мудрецы Индии и Греции отказывались от се-

мьи и родовой земельной собственности, жили в уединении, много странствовали, предавались созерцанию и изучению наук, открыто полемизировали, имели учеников. То есть они отошли от уклада общинников-земледельцев, что позволяло им мыслить мир в более отвлеченных категориях. Таким образом, если применить историческое и антропологическое мышление, то атом – прежде всего дискретная, абстрактная и конечная личность, отдельная от остальных подобных себе личностей, не привязанная к одному виду деятельности и к одному месту, а странствующая в пустоте мироздания благодаря свободе своей воли. Эта абстрактная личность создана сознанием конкретной личности отшельника и созерцателя, который живет в децентрализованном государстве агонального типа и имеет возможность автономного существования в качестве независимого интеллектуала. Именно так жил Демокрит из Абдер. Если атом и не есть сам Демокрит, то, во всяком случае, он есть производное нового исторического сознания, когда человек начал считать себя мельчайшей неделимой единицей общественной жизни, микрокосмом. Не будем забывать, что именно Демокрит был автором трактатов о макрокосме и микрокосме.

Будучи переведено на латинский язык, греч. άτομος “неделимый” превращается в *individuum*. Но это не просто перевод термина с языка на язык, а перенос значения с материально-предметной категории на личность человека. Это, если угодно, антропологическая интерпретация атома, вскрывающая в этом концепте его психологический генезис.

В дополнение к этой антропологической идее приведу тезис Ибн Сины о так называемом “парящем человеке”. Ибн Сина полагал, что если лишить человека всех материальных привязанностей и контактов с миром, то для него останется реальным и конечным только ощущение своего *Я. Анавийа* (яйность) – основа ощущений, восприятий и мыслей любого человека. Далее Я человек неразложим. Но к “яйности” человечество пришло только в средние века, когда смогло понять себя только как себя, без апелляции к аналогиям из внешнего мира. В более же ранние времена самопознание неизбежно должно было опираться на конструкты, созданные путем объективизации субъективных восприятий. Не исключено, что в психологическом аспекте атом есть проекция еще неоткрытой “яйности”.

Если атомизм является одним из явлений, присущих развитию части человечества в “осевое время”, значит ли это, что в другое время должны возникнуть другие, альтернативные атомизму представления о том, как устроен мир? Можно представить себе такие альтернативные модели. Если использовать словесно-слоговое письмо древней Месопотамии, то мир предстанет собранием излучающих феноменов, определяющих судьбу объектов внешнего мира (ME, *melammu*). Этот принцип восприятия сохранился и в вавилонской медицине, определявшей болезни по знакам, т.е. по внешним симптомам на теле человека, и в вавилонской физиогномике, и особенно в астрологии. Если использовать китайскую иероглифику, то на первый план выйдет континуальность мироздания. Если же обратиться к древнееврейской алфавитной письменности, то можно рассматривать устройство мира исходя из гематрий и буквенно-цифровых символов (можно условно назвать такую картину мира пифагорейской). Сколько письменностей и стоящих за ними традиций – столько и моделей мира.

Тем не менее, объективность существования атомов признается не только носителями алфавитной традиции, но и теми, кто использует иероглифику. Китайские и японские физики работают с концептом атома так же плодотворно, как и средиземноморско-европейские народы. Существование атомов давно уже подтверждено точными науками. Что же из этого следует? Вероятно, то, что на каждом этапе своего развития человечество получает небольшую порцию знаний об истинном устройстве мира. И каждый тип общественных отношений, равно как и каждая историческая эпоха, каким-то образом соотносится с определенным участком объективной картины мира. Если рассуждать с этой точки зрения, то без определенных особенностей развития обществ Индии и Греции в VI–V вв. до н.э. все человечество в целом не смогло бы получить представление об атомарности мироздания.

Вяч.Вс. Иванов: То, что мы слышали, представляется весьма убедительным. Вот это название “tu”, “ta”, “ti” само по себе и классификация такого рода могли быть действительно очень древними. Я не берусь ответственно комментировать мысль, которая непрямо связана с основным открытием. Это интересная мысль о том, как это связано с изменением представлений о человеческой личности. В поздней клинописной литературе этого времени, конечно, очень много похожего на гораздо более поздние идеи, поэтому я не совсем убежден в том, как это нужно соотнести с развитием психологического самосознания человека. Сейчас огромное внимание привлекают VI–V вв. до н.э. и вообще вся персидская эпоха Вавилона, когда, безусловно, произошла первая научно-техническая революция – создание математической астрономии. Нейгебауэр, который один из первых это понял, склонен был считать, что это – развитие очень старых представлений. Интересно, что в это время, вероятно, происходило переосмысление старых знаний в новом контексте; экономическая и социальная структура были уже гораздо более нового и современного типа. Я не знаю, можем ли мы аргументировать через обозначение “делить”. Это ведь мы говорим, что что-то делится на части, это наши переводы: “неделимое” и т.д. А здесь речь идет не столько о “делении”, сколько о “выделении”, о том, что какая-то часть может быть отделена, обозначена. Мне кажется, что семантика глаголов, которые могли бы в этом участвовать, может быть шире. Это, пожалуй, единственное замечание по сути, которое я мог сделать, а так я поздравляю В.В. Емельянова: думаю, это действительно выдающееся открытие.

В.В. Емельянов: Спасибо большое. Здесь прозвучало несколько совершенно фундаментальных идей. Вы упомянули Отто Нейгебауэра, который говорит, что вавилонские математики VI–V вв. до н.э. создали вычислительную астрономию без обращения к философии. Так вот, по-видимому, это не совсем так. Они создали вычислительную астрономию и в результате этой работы стали обращаться к философии. Как раз в это время у них появляются абстрактные умозаключения: не только о первоэлементах, но и, например, о богах как о числах. Появляются комментарии, в которых с каждым богом сопоставляется какое-то число с раскрытием семантики этого числа. То есть у них появляется самое преддверие философии. Второе чрезвычайно важное Ваше соображение: в VI–V вв. возникает интерес к прошлому. Да не просто интерес: возникает археология! Впервые в VI в. до н.э. Навуходоносор и Набонид раскапывают шумерские храмы, вынимают оттуда посвященные надписи, а в собственных надписях пытаются воспроизвести древние почерки. Появляется сильный интерес даже не к традиции как таковой, а к людям прошлого, например, к Гудеа, которого начинают чрезвычайно почитать в это время. То есть мы и в естественнонаучной области, и в гуманитарной сталкиваемся с зарождением науки как таковой. Это каким-то образом должно коррелировать. Но это ни в коей мере не противоречит тому, что я сказал о восприятии человека как индивидуума: о движении, с одной стороны, к максимальному абстрагированию категорий, а с другой стороны, к наиболее общему пониманию человека как личности. Антропологическая координата здесь должна быть обязательно учтена.

А.В. Лебедев: Спасибо Вам за такое необычное, такое неожиданное сообщение. Скажу Вам прямо: Вы меня не убедили. Во-первых, источники и авторитеты, на которые Вы ссылаетесь, сразу же вызывают сомнения. Следовало бы опираться на точные цитаты из античных авторов. Вы же ссылаетесь на Лосева, который ссылается на Айслера, а в тексте Айслера нет того, что говорит Лосев... Во-вторых, обоснованность сравнения вавилонского гадательного текста с греческими текстами, которые Вы берёте, вызывает сомнение. Единственный первоисточник относительно грамматической алфавитной аналогии в атомистике Демокрита – это Аристотель, два пассажи: один в “Метафизике”, другой – в “Возникновении и уничтожении”. В обоих случаях речь, конечно, идет о греческих буквах, точнее, о στοιχεῖα (в греческом языке было два слова для обозначения букв: στοιχεῖα и более раннее γράμματα). Демокрит, скорее всего, не пользовался словом “стойхейя”. Слово “граммата” обычно обозначает графемы, буквы на письме. “Стойхейон”

употребляется и в том, и другом значении. В “Кратиле” Платона $\sigma\tau\omicron\upsilon\chi\epsilon\iota\alpha$ может обозначать и “фонемы”, и буквы. В любом случае здесь речь идет о фонемах, а не о слогах, и одновременно о графемах, которые при повороте меняются: одна графема превращается в другую. Текст Аристотеля подвергся незначительной “редактуре”, изменилась форма буквы “дзета”. Демокрит же имел в виду, что буква “дзета”, когда мы ее переворачиваем набок, превращается в букву “эта”. Он иллюстрировал таким образом свой тезис, что все вторичные чувственные качества субъективны, что они все редуцируются к структурным различиям: к положению, повороту, контакту, структуре... Можете ли вы что-либо подобное приписать вашему гадателю? Кроме того, текст, который Вы выбираете, – это текст гадательный, религиозный. Демокрит не имеет никакого отношения ни к гаданию, ни к традиционным религиозным представлениям. В таких вопросах надо учитывать типологию философских систем и типологическую совместимость частных теорий, из которых состоит система. Типологию иногда приходится корректировать, но работать без типологии – все равно, что заниматься античной керамикой, не имея в руках справочника по морфологии сосудов и стилей вазописи. Типология греческих философских систем говорит нам сразу же, что философ, который признает атомистическую физику, никогда не будет верить в мантику. Таких философов в Греции не было. Все, кто были атомистами, отрицали мантику. В мантику верили холисты, континуалисты и телеологи. Гераклит мог верить, стоики – все, кто верили в единый одушевленный субстрат, связующий все явления мира в органическое целое. Но не атомисты, представлявшие себе мир как агломерат автономных дискретных элементов. Так что, к сожалению, Ваша попытка деривации греческого атомизма из вавилонской религиозной мантики оказалась неудачной.

В.В. Емельянов: Мое возражение будет состоять из двух частей. Первое. Мы пойдем по чрезвычайно непродуктивному пути, если будем говорить о личностях: “Давайте не учитывать Лосева, Айслера”... Мы обязаны учитывать все тексты, которые есть в научно-философском кругу. Что же касается Аристотеля, то я, разумеется, опираюсь и на него, и на более поздних авторов, рассуждавших об атомах как буквах.

Второе. Мы и не знаем, что конкретно писал Демокрит, потому что Демокрит существует в цитатах каких-то других философов. Но мы достаточно уверенно можем знать, что синхронно писали в Вавилоне. Я как раз привел один из таких текстов. Это астрологический гадательный текст, без которого сама вавилонская цивилизация не могла существовать. Там просто не могло сформироваться ничего типологически близкого к греческому взгляду на мир – нехолистическому взгляду (вавилонский взгляд был необходимо холистическим, ничего альтернативного там не было). В вавилонском обществе не было альтернативы мантике и астрологии, и предпосылки научного знания развивались там внутри религиозной традиции. Кроме того, астрология и то, что мы называем магией, в Вавилоне в достаточно близкой степени были связаны с наукой.

Что же касается самого рассмотренного текста, то здесь видны корреляции между первоэлементами, знаками зодиака и знаками клинописи. И я не понимаю, почему Демокрит мог этого не усвоить, если он был в Вавилоне, и если это среди ученых людей было распространенным представлением, существовавшим как минимум с Новоассирийского периода. Человек он был любознательный, клинописи он мог и не знать, но какие-то представления, необходимые для развертывания своих собственных взглядов, он вполне мог усвоить и в Вавилоне, и в Персии. Например, в одном из фрагментов он говорит о благой мысли, благом слове и благом деле, а это явно зороастрийские категории. Демокрит мог многое.

А.И. Кобзев: В отличие от предыдущего критика считаю положения доклада вполне убедительными. Предложенная гипотеза может служить интеллектуальным ключом к новым проблемам. Я отмечу два момента. Первый касается понятия индивида, о котором мне довелось довольно много писать, в частности о его связи с идеей атома и буквальной тождественности обоих терминов, одинаково означающих “неделимое”. Существенно важны не только социальные условия индивидуализации в том или ином обществе. Эти возможности переводят в действительность духовные стандарты культуры, в первую

очередь идеалистический принцип индивидуализма. Ведь как бы ни отделялся человек от своего социума, признать его неделимой душой, отождествить человека с идеальной сущностью, а не с материальным телом, позволяет только идеалистический подход. На самом деле даже атом (символ материалистической линии Демокрита) – продукт идеализации, потому что ничто материальное не может быть неделимым по определению. Он представляет собою материалистическую, или натуралистическую, проекцию идеи.

Второй момент. Мы еще не касались математического атомизма, а там есть одна неразгаданная тайна, о которой мне тоже довелось писать. Платон в “Тимее” представил математический атом почему-то в виде треугольника, который потом трансформировался в протобрану, в линию, грамму у его ученика Ксенократа и нашел отражение в трактате “О неделимых/атомарных линиях” (“ΠΕΡΙ ΑΤΟΜΩΝ ΓΡΑΜΜΩΝ”) из Аристотелевского корпуса. Но почему не точка – самый естественный математический аналог атома? То, что я услышал сейчас, меня поразило. Идея треугольника как базовой геометрической структуры и одновременно базовой графической структуры, по-моему, замечательна своей объяснительной силой, распространяющейся и на приведенный таинственный случай.

М.М. Шахнович: Я согласна с А.В. Лебедевым в его оценке Лосева как комментатора Демокрита, но должна сказать, что в замечательном издании С.Я. Лурье и его учеников “Демокрит” мы можем прочесть, что Демокрит как раз очень интересовался мантикой. Он исследовал вещие сны, есть свидетельства о том, что он интересовался феноменом сомнамбулизма. Более того, само отрицание случайности, которое, как известно, присутствует в физике Демокрита, предполагает жесткий детерминизм, что свидетельствует о вере в пророчества. И он предполагал, что атомарные образы, которые являются во сне, предсказывают будущее. Поэтому говорить о том, что все атомисты отрицали мантику, нельзя. Начиная с Эпикура – да. А Демокрит еще пребывает во власти архаической системы представлений.

Мне думается, можно говорить об аналогиях. Я все-таки не считаю, что Демокрит непосредственно из Вавилона вынес свою теорию.

В.В. Емельянов: Я не утверждаю, что именно из этого текста Демокрит вывел свое учение об атомизме. Я лишь хотел обратить внимание на синхронность этого вавилонского текста пребыванию Демокрита в Вавилоне и на то, что сходные тенденции наблюдались в Персидской империи и на приграничных территориях в это время. Поэтому я думаю, что это определенный *Zeitgeist*, который тут работает.

М.М. Шахнович: Согласна. Очень интересно!

3. К докладу М.М. Шахнович (см. стр. 89–94)

А.В. Лебедев: Я бы хотел прокомментировать доклад М.М. Шахнович по четырём пунктам.

Первый пункт касается сравнения греческой атомистики с наскальными рисунками палеолитического времени с их так называемым пуантилизмом. Мне кажется, это сопоставление относится к такой категории сравнений, которые держатся на очень поверхностном сходстве, на том, что Аристотель назвал бы *κατά συνειρητικόν*, и при этом игнорируют огромное количество различий – настоящую пропасть, которая разделяет эти два феномена. Как можно сравнивать гения научной мысли, каким был Демокрит – корифей научной традиции высокоразвитой цивилизации, с наскальными рисунками палеолитического времени, которые неизвестно кто, когда и зачем делал? Откуда мы знаем, для чего ставились эти точки: может быть, это была магия, может быть, она требовала что-то колоть?

Пункт второй. Пылинки, о которых говорит в связи с демокритовской теорией Аристотель (*De Anima*, 404). Есть такой текст, единственный, но вся доксографическая традиция, все имеющиеся свидетельства согласны в одном: в том, что Демокрит считал душой шарообразные атомы огня. Число форм атомов бесконечно, этого требовал принцип достаточного основания Демокрита – *οὐ μᾶλλον* – нет никакого основания, чтобы

существовали такие-то и не существовали такие-то. Есть лишь пассаж, где почему-то в скобках делается ссылка на так называемые “солнечные пылинки” – которые видны в луче солнца. Я на Всемирном конгрессе по Демокриту в 1983 г. как раз выступил с докладом, где указал на незамеченные тексты, в частности, атрибутировал Демокриту термин $\tau\acute{\iota}\lambda\alpha\iota$. Эти пылинки по-гречески называются $\xi\acute{\upsilon}\sigma\mu\alpha\tau\alpha$, “соскобленные частицы”, от $\xi\acute{\upsilon}\omega$, “скоблить”. Серьезные исследователи (Дильс, Лурье и другие) и все комментаторы Аристотеля – Фемистий, Симпликий – в один голос говорят, что Демокрит, конечно, не мог считать эти пылинки атомами. Дильс и другие считали, что это интерполяция, и они совершенно правы. Потому что ниже Аристотель говорит о таких пылинках, приписывая этот взгляд пифагорейцам или орфикам. Это примитивное фольклорное представление. Ни Демокрит не мог так считать, ни сам Аристотель. На самом деле, Демокрит не отождествлял атомы с пылинками, а проводил аналогию. Так объясняют комментаторы Аристотеля, и они правы. Атомисты использовали такую аналогию, когда хотели объяснить феномен броуновского движения. Смысл ее вот в чем: воздух перед нами, как мы думаем, неподвижен, но в солнечном луче мы видим, что в воздухе движутся пылинки; точно так же луч разума пронизывает реальность и усматривает там атомы, которые постоянно движутся, хотя обыденное сознание этого не воспринимает. Я думаю, это единственное правильное объяснение, и связывать “пылинки” с анимизмом нет никакого основания.

Пункт третий касается предполагаемой связи греческого атомизма с анимизмом. Если уж заниматься такими глубокими реконструкциями, то можно попробовать на другом материале (например, пифагорейцы или Гераклит), но Демокрит совсем не годится для этой цели. Можно было бы сослаться на панпсихизм Фалеса ($\pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha \pi\lambda\acute{\eta}\rho\eta \theta\epsilon\acute{\omega}\nu$): Аристотель говорит, что согласно Фалесу “все полно богов”, а душа “размешана во Вселенной”. Но Демокрит? Нет другой философской школы в древности, которая была бы менее совместима с какими бы то ни было идеями анимизма, чем школа Демокрита. Атомисты напоминают современных “элиминаторов” в *philosophy of mind*, которые элиминируют всю ментальную лексику как *folkpsychology*. Все становится материальным. Атомисты – единственные, кто полностью элиминировали субъективную сферу: у них и чувственное восприятие, и сновидения, и происхождение религии, образы богов – все на свете сводится к внешним материальным истечениям. Это все материальные процессы такого же рода, как атомистическая космогония, никакого божественного измерения в них нет. Демокритовская теория “истечений” и “призраков” вещей ($\acute{\epsilon}\acute{\iota}\delta\omega\lambda\alpha, \delta\epsilon\acute{\iota}\kappa\epsilon\lambda\alpha$) допускает возможность вещей снов (фр. 472 Лурье), но при этом вещие сны не являются “посланными богами” ($\theta\epsilon\acute{\omega}\beta\epsilon\lambda\tau\alpha$), а объясняются естественными, чисто механическими, причинами. Иными словами, Демокрит недвусмысленно отрицает религиозную, институционализированную мантику: “оракулом” может оказаться “первый попавшийся” человек, а не Пифия. По Демокриту, из космоса в нас влетают разные материальные отпечатки вещей, которые могут смешиваться между собой, и это мы можем воспринимать во сне как сновидения.

Четвертый пункт. Вы попытались противопоставить и различить демокритовскую и эпикуровскую теории души. Если я правильно понял, Вы считаете, что только у Эпикура душа (которая тоже состоит из сферических атомов огня) становится более тонкой. У Демокрита же Вы видите что-то более “архаическое”. Для этого нет оснований. Демокрит жил в эпоху классики, а не архаики. Аристотель описывает эти атомы души, то есть атомы огня у Демокрита как $\lambda\epsilon\pi\tau\omicron\upsilon\epsilon\rho\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha$ – состоящие из тончайших частиц и даже как нечто относительно “бестелесное” ($\acute{\alpha}\sigma\acute{\omega}\mu\alpha\tau\omicron\nu$, по сравнению с более плотными элементами). Здесь нет никакой разницы с Эпикуром.

Те, кто действительно верил в провидение, в бессмертную душу, как платоники или пифагорейцы, а также холлисты, телеологи и провиденциалисты, как стоики, одинаково ненавидели Эпикура и Демокрита. Потому что и те и другие (эпикурейцы и древние атомисты) были для них неприемлемыми механическими детерминистами, которые упраздняли божественное провидение, отрицали свободу воли и делали человека частью этого слепого атомистического процесса (“дергающаяся марионетка” у Марка Аврелия).

М.М. Шахнович: Я историк религии прежде всего. И для меня несомненно, что в пифагореизме мы можем выделить элементы шаманских верований. Демокрит – гений, для меня в этом нет никаких сомнений. Точно так же я считаю, что атомистическая модель мира лежит в основании современного естествознания. Но это никак не мешает нам ответить на вопрос “Как она возникает?”. Для меня строитель Стоунхенджа, который тоже был неплохим для своего времени знатоком неких астрономических феноменов, – такой же гений, как Демокрит. Это наивный вопрос – кто талантливее: палеолитический художник или Демокрит. Для историка культуры этот вопрос, мне кажется, стоять не может. Я говорила об особенностях зрительного восприятия, которые, с моей точки зрения, могли сказаться на возникновении представления о дискретности мира. Я не вижу здесь ничего оскорбительного для Демокрита. Это первое.

Второе – по поводу пылинок. Именно то место, которое Вы отбросили, дает мне основание утверждать (или, по крайней мере, предполагать), что Аристотель, указывая на Демокрита и пифагорейцев в одном трактате, имеет в виду именно то, что я хочу подчеркнуть: что представление о крючковатых неправильной формы мельчайших частицах напоминает движение пылинок в воздухе. Никто не говорит, что эти пылинки и есть атомы. И я этого не говорила.

Третье – по поводу мантики. Одной из форм мантики является вера в вещи сны. Есть фрагменты, в которых рассказывается, что Демокрит считал: атомарные образы появляются во сне и могут предсказывать будущее. Более того, мы прекрасно знаем, что Демокрит отрицал случайность. Это допускает веру в судьбу и в возможность мантики.

Четвертое. Я говорила не о том, что у Эпикура более тонкое представление о душе, чем у Демокрита. Вся концепция эпикурейского атомизма значительно дальше ушла от архаических представлений, чем концепция Демокрита: в том, что касается и теории восприятия, и представления о познавательных способностях человека, и атомов души. Мне как историку религии кажется вполне обоснованным, что представление об идолах связано с преанимистическими концепциями. И если мы вспомним, в каком контексте слово идолон упоминается у Гомера и как затем этот термин используется в античной традиции, я думаю, аргументов в пользу этой концепции будет гораздо больше, чем я сейчас могу изложить. Но во всяком случае совершенно очевидно, что эти “видики”, изображения, идола, связаны с представлением о силе в архаической своей форме, а затем постепенно эта божественность, эта сила, которая упоминается у Гомера, уходит, исчезает из текстов. Образы освобождаются от своей божественности, и мы получаем то представление об образах, какое уже есть у Эпикура и у Лукреция.

А.В. Лебедев: Мне кажется, Вы не учитываете в данном случае, что эта теория атомных идола, – это же есть не что иное, как перитропная рационализация (*περιτροπή* – греческий полемический прием, “переворачивание” тезиса оппонента против него самого по принципу бумеранга). Парадокс Демокрита в том, что, хотя его система требует атеизма, он вместо отбрасывания народной веры говорит – да, это все так, есть такие боги, но они представляют собой атомные агрегаты и подчинены законам механики. Возможно, за этим стоит юмор, мы не знаем. Это напоминает пародийную теологию Эпикура. Эпикур говорит, да боги есть, это атомные образования, они далеко от нас и им нет до нас никакого дела. То же самое говорит Демокрит: да, все эти фантазии и образы реальны, это атомные образования, которые летают в пространстве, причудливо смешиваются и воспринимаются нами.

М.М. Шахнович: Все было бы очень просто, если бы это была только пародия. Потому что и боги Эпикура, и боги Демокрита для них реальны. Есть исследования, в том числе и мои, и западные, в которых мы пытаемся объяснить, что для Эпикура боги были реальны. Он создает особую новую форму теологии. Это действительно очень интересная проблема.

В.Г. Лысенко: Мне представляется, что мы иногда проецируем наши сегодняшние представления о том, какими должны быть мыслители, приверженцы определенных

теорий, на другие периоды истории и на другие культурные ареалы. Нам кажется, что если человек предложил такую последовательную теорию, то он должен быть во всем последователен. Но есть масса примеров, которые это опровергают. Вспомним Ньютона, который занимался алхимией... И вообще вся наука рождалась из ненауки. Ученые совмещали научный пафос с представлениями, которые с наукой очень плохо сочетались. То же самое можно сказать и о Демокрите. Разве на том основании, что он придерживался атомизма – действительно такой строгой редукционистской теории, – можно исключать какие-то другие его представления? Мне кажется, это анахронизм. Было и то, и другое.

М.М. Шахнович: На самом деле замечательно, что А.В. Лебедев защищает рационализм и Демокрита. В наше время я постоянно сталкиваюсь с противоположной точкой зрения.

А.И. Кобзев: Мне кажется, что А.В. Лебедев и М.М. Шахнович находятся в разных методических парадигмах. Обращу внимание на то же обстоятельство, которое всплыло в связи с вопросом о латентном влиянии алфавитов на древнюю Индию. Был продемонстрирован такой уровень анализа текста, который способен вскрыть влияние алфавитной парадигмы, отраженное не в прямом высказывании, а косвенно, например, в употреблении определенных терминов. Кстати, это важнейшая проблема – выявление специальной терминологии, которая может ошибочно восприниматься как обычная лексика. Мы зачастую не понимаем древние тексты именно потому, что утрачиваются терминологические не прямые значения. Реконструкция терминологической системы – это текстологический камень преткновения. В этом смысле мне было приятно услышать как раз такую косвенную и невольную поддержку мысли о связи ритуального огня с его теоретическим осмыслением в виде аналогии логоса с огнем и определения атомов души как наиболее теплых и горячих. Смеею сказать, что известные слова о несгораемости рукописей можно понимать в следующем смысле: хотя совершенно ясно, что рукописи как материальные объекты превосходно горят, как представители иного, лучшего и огненного, но не только адского, мира, они не горят!

4. К докладу Б.А. Захарьина (см. стр. 111–120)

С.С. Тавастшерна: Я кратко скажу о недоумениях, которые у меня вызывает термин “алфавит” применительно к той классификации, о которой пойдет речь.

Классификация звуков санскрита (vaṇṇa-samāmnāya)

ГЛАСНЫЕ

Монофтонги: a ā ī u ū ṛ ṝ ḷ

Дифтонги: e ai o au

СОГЛАСНЫЕ

Смычные

велярные: k kh g gh ṅ

палатальные: c ch j jh ṅ

ретрофлексные: ṭ ṭh ḍ ḍh ṇ

дентальные: t th d dh n

лабиальные: p ph b bh m

Сонанты: y r l v

Фрикативные

глухие: ś ṣ s

звонкий: ḥ

Эту классификацию в исследованиях начиная с XIX в. вплоть до последних лет постоянно называют “алфавитом санскрита”. И сегодня у докладчиков тоже эта классификация называлась алфавитом. Элементы классификации называются буквами, или еще иногда *фонемами*, иногда *звуками*, *звукотипами*, но все равно слово “буквы” встречается. Я категорически не согласен с трактовкой данной классификации, изобре-

тенной древнеиндийскими фонетистами приблизительно в V в. до н.э., как “алфавита”. Приведу две цитаты. В одном из наиболее древних фонетических трактатов “Рик-пра-тишакья” в 13-й главе очень кратко, но интересно описан процесс порождения единиц, называемых *варна*: “При наличии желания говорящего” [вот это очень важное первое условие – наличие желание высказаться] “воздух в форме дыхания производит усилие с помощью легких и становится глухим или резонирующим звуком”. Имеется в виду участие или неучастие в работе голосовых связок. И далее говорится, что эти две разновидности звуков становятся материалом в производстве *варн*. Я не думаю, что имеется в виду производство букв. Никакие буквы связками или отсутствием работы связок не производятся.

Вторая цитата из более позднего текста – “Паниния шикша”. Ученые относят его приблизительно ко II в. до н.э., а в традиции текст приписывается Панини. Здесь процесс порождения *варн* описан следующим образом: душа (атман) и интеллект (будхи), соразмерившись с предметами (имеются в виду арта – смыслы, которые нужно выразить), соединяют манас (я не берусь переводить тут это слово, иногда его передают как “ум”) с намерением говорящего. Далее манас дает импульс телесному огню, то есть некой энергии. Этот огонь побуждает к движению ветер. Дальше довольно темное место: “ветер порождает три типа звуков: мягкие, средние и резкие”. Далее ветер, проходя через артикуляторный аппарат, достигает своей крайней точки – уст. Уста, губы – это крайняя точка, откуда уже выходит артикулированный звук. Так порождаются *варны*, и надеюсь, ясно, что это никакие не буквы. Варны делятся по тону (три тона, о которых говорил Б.А. Захарьин), по длительности (краткий, долгий, сверхдолгий), по месту артикуляции, по первичному/вторичному усилию. Ни одного намека здесь нет на то, что речь идет о каких-либо фигурах.

Давайте посмотрим, как работает эта классификация, для чего она была придумана. Рассмотрим ряд смычных: непридыхательный глухой К, далее придыхательный Х глухой же, дальше звонкий непридыхательный, придыхательный звонкий и замыкает ряд носовое Н, произносимый в том же самом месте. Носовые в Индии тоже относили к смычным, именно потому, что они производятся полной смычкой.

Далее, обратите внимание: все пять рядов образуются по аналогичной схеме. Нужно только знать, как произносится первый звук, дальше все выстраивается по аналогии. При этом ряды следуют друг за другом по порядку постепенного перемещения органов артикуляции от гортани к губам: К, дальше палатальный Ч, ретрофлексный Т, и в конце замыкает П. Теперь давайте попробуем оставить любой из вертикальных рядов и один горизонтальный. И мы увидим, что мы с легкостью восстановим всю эту схему, имея хотя бы какую-то матрицу – матрицу перемещения от гортани к губам и матрицу от глухих непридыхательных до носовых.

Сонанты Й, Р, Л, В. Они выстроены ровно по такой же схеме: от наиболее далеко от губ расположенных (ближе к гортани) с постепенным перемещением: Й – палатальный, Р – ретрофлексный, Л – дентальный, В – губной. Последний ряд я специально разделил на два. Сначала перечисляются глухие щелевые: Щ Ш С – они точно так же перемещаются от места ближе к гортани к губам. Губного щелевого глухого нет (по крайней мере в классическом санскрите), заднеязычного тоже нет. Ну, и в конце – согласный Х звонкий. Неясно, куда его отнести, и, видимо, поэтому его поместили в самый конец.

Вряд ли эту схему нужно относить к какой-то фонетической или фонологической теории. На мой взгляд, это всего лишь идеально разработанный механизм, позволяющий максимально быстро освоить в общем довольно сложную фонетику санскрита. Безусловно, древнеиндийские фонетисты в своем этом членении речи на минимальные единицы пытались выяснить минимально значимые. Поэтому, конечно, они приближаются где-то к современной фонологии, к выяснению минимально значимых единиц. Но цель этих классификаций состояла исключительно в том, чтобы создать универсальный механизм, благодаря которому человек быстро и эффективно обучается сложной фонетике санскрита. И никакого отношения к письму это не имеет.

5. К докладам об индийской лингвистической традиции

В.Г. Лысенко (А.И.Кобзеву): Изменили ли Вы свою точку зрения, что атомизм связан только с алфавитным принципом и только с письмом?

А.И. Кобзев: Сколь архаичны с Вашей точки зрения аналогии между речью и принципом атомизма, столь же архаична и сама атомистическая теория в том смысле, в котором она обсуждалась в данной аудитории. Она не имеет совершенно никакого отношения к современной физической картине мира. Мы тут говорим о другом: об архаике. То, что “полагал Аристотель”, как раз и подлежит рассмотрению. Но самое главное – что прозвучали два слова: континуальное и дискретное. Различительными в моей концепции являются именно эти признаки. Атомизм, алфавитность уже суть проявления более общих мировоззренческих позиций: континуальной и дискретной. Именно в дискретности состоит общность идей и атомов, хотя они традиционно представляются антиподами, символами двух противоположных направлений в философии. За тем и другим стоит единая, выраженная алфавитным письмом западная картина мира, онтологические основы которой вечны, неизменяемы и дискретны. Выраженная же иероглификой китайская картина мира изменяема, динамична и континуальна, поэтому она и определяется “Каноном перемен”.

Совершенно правильно уточнение Тауфика Ибрагима о классическом атомизме, который дискретен и предполагает разрывы между атомами. Обращаю внимание, что предположение, будто атомизм связан со звучащей речью и фонетическими единицами, не отвечает этому признаку, потому что в реальности (я думаю, лингвисты подтвердят) звучащая речь континуальна и самая главная проблема ее распознавания – это вычленение из нее отдельных лексических единиц. Анализ речевого потока не приводит ни к какой идее атомарности. В то время как при первом же взгляде на слово, записанное буквами (дискретными), эта идея рождается сама собой.

Наши индологи рассказывали про таблицу звуков и сами называли ее матрицей. Это визуальная таблица. Я обратил внимание на то, что она имеет нумерологические параметры: 10×10 . Речь идет о визуализированном построении, имеющем двумерную, а не линейную конструкцию, предназначенную для запоминания на слух. Вся звучащая и воспринимаемая на слух речь – линейна. А такого рода матрицы – нелинейны и предназначены для зрения, как буквы. Отсюда интересна параллель таблицы Менделеева с грамматикой Панини.

Далее. Все разговоры об индийских фонетистах, которые то ли в III, то ли в V в. до н.э. познакомились с алфавитным письмом, малосодержательны. Не надо даже выяснять, было ли что-то записано в III или в V в. до н.э. Очевидно, что эти ученые, даже если они были жрецами, действовали в культурном пространстве, где уже чуть ли не тысячелетие был осознан алфавитный принцип, где уже существовали алфавиты или протоалфавиты, о которых они должны были так или иначе знать. И этого достаточно. Чтобы понять, что азбука Морзе построена на двоичном принципе, совершенно не требуется, чтобы ее создатель специально заявлял, что точка соответствует единице, а тире – нулю. Присутствие в культурном контексте исходного принципа – достаточное основание для появления его производных.

Ну, и последнее. Весьма интересно сообщение о специфическом этапе перехода от одних форм фиксации слов или идей к другому с помощью материальных объектов – особых фигурок. Он сущностно связан с развитием иероглифики. В китайской традиции иероглиф осмысливается именно как тело и как вещь, соответственным образом и обозначаясь. Онтологически тут нет различия между материальными объектами и иероглифами. Последние принадлежат этому миру как имманентные тела, в отличие от букв, знаменующих иной – трансцендентный мир, как “альфа и омега”, символизирующие самого Бога.

В.Г. Лысенко: Большое спасибо. Когда я выстраивала сценарий этого “круглого стола”, я имела в виду точку зрения А.И. Кобзева, состоящую в том, именно алфавит и письмо могли как-то повлиять на возникновение атомизма. Мне кажется, что мои коллеги достаточно подробно, авторитетно объяснили, что в Индии выделение “атомов звука” абсолютно не зависело от письма и от письменных алфавитов и что

именно эта фонетическая система в дальнейшем повлияла на алфавит, а не наоборот. Когда речь идет о произнесении текста, позиция фонетистов – это позиция говорящего, а отнюдь не слушающего. Позиция слушающего развивается уже на другом этапе той же самой традиции. Но пока это позиция только говорящего. Поэтому Ваш аргумент о том, что речь звучит континуально и наша задача – ее квантифицировать, здесь не годится. Кроме того, подчеркну еще раз: в фонетических трактатах выделяются невоспринимаемые паузы, обозначаемые теми же терминами, что и атомы: “ану”, “параману”.

А.И. Кобзев: Б.А. Захарьин говорил о том, что в латентной (по крайней мере) форме алфавитные модели присутствуют в фонетических делениях. Знаменательны и указания на невоспринимаемые паузы, которые действительно фиксируются современными приборами, но не воспринимаются слуховым аппаратом человека. Указания на них – искусственная вещь, которая, может быть, происходит как раз от латентного влияния алфавита. Данная тема мне кажется очень перспективной для разработки. Я же говорил немножко о другом: о коррелятивных процессах, которые связывают воедино одну культуру и отделяют ее от другой. В этом аспекте принципиально важна не последовательность “алфавит – атомизм” или наоборот, а их взаимосвязь. Здесь уже прозвучал тезис о холистическом, целостном подходе, который я полностью разделяю.

Б.А. Захарьин: Вообще фонетисты Древней Индии определение паузы не давали, и дать его невозможно, оно может быть получено только на функциональной основе. Этим достаточно много занимались американские дескриптивисты 1950–1960-х гг., в частности Харрис. Он пытался обойтись без привлечения значения и грамматических функций, вывести как-то понятие паузы, но сколько ни старался, ничего не получалось. Все-таки нужно признать, что понятие паузы – это следствие того деления, о котором говорили С.С. Тавастшерна и В. Видунас: деления сакрального текста на две рецензии, слитную и пословную рецитацию.

Относительно выступления Тауфика Ибрагима и понятия харфов. Известно, что арабская традиция в большой степени вторична, явилась результатом знакомства арабов с гораздо более ранней индийской традицией, но, разумеется, положения чужой теории налагались на собственный языковой материал. Короче, с понятием харфа – такая же неопределенность там, как и с понятием варна. То и другое – не буква в полном смысле слова, но и не фонема, а что-то промежуточное. И вот о природе этой промежуточности разумно было бы еще подумать.

Еще о термине *варна* и о других терминах. Следует помнить, что все терминологические ухищрения – это порождения нашего времени, продукты нашего мозга, мозга людей XX и XXI вв., и мы пытаемся распространить эти наши концепты на очень отдаленную и весьма непохожую на нашу эпоху. Древние поступали проще: просто брали уже известное слово и, не отменяя прежних, приписывали ему новое значение. *Варна* буквально значит “укрытие ~ покрытие ~ оболочка”, но также и “цвет ~ окраска”. А у древнеиндийских лексикографов (например, у Амару) это существительное используется и в значениях “золото”, а также “шафран”, и, кроме того, предполагает множество и иных коннотаций. Но дают ли все эти значения что-либо для понимания того, например, что именно это слово означает в контексте грамматики Панини? Нет, конечно. Надо тщательно исследовать всю грамматику Панини, все словоупотребления внутри нее, чтобы прийти к определенным заключениям. Вне такого конкретного анализа текста любые интерпретации будут произвольными.

Тут затрагивался вопрос о Каббале и о харфах, и можно вспомнить индийских тантриков, которые как раз буквам приписывали совершенно ясный, жесткий смысл. Я напомним известное преставление о том, что женская ипостась бога является активным началом, тогда как он сам – пассивным. И на ряде миниатюр изображена Шакти, которая сидит верхом на распростертом трупe Шивы, вступает с ним в коитус, и это все обрисовывается внизу надписью: “shava shiva”. Shava – два знака для слогов “sha” и “va”; shava означает труп. Shiva – тоже два знака, для слогов “shi” и “va”, имя бога Шивы. Диакритика для краткой “i” уникальна, потому что эта вокалическая огласовка – единственная, которая

пишется перед соответствующим согласным, а не после него, как это следовало бы делать в соответствии с линейным принципом письма. Таким образом краткая “i” делает из труппа повелевающего Вселенной бога. Полная же (не огласовочная) буква для “i” предстает перед нами как знак, похожий на змейку. По сходству формы это – змея-кундалини, то есть скрытая энергия, которую нужно пробудить в теле бога или человека. Когда она, поднимаясь по чакрам, достигает брахма-рандра, отверстия в темечке, происходит соединение индивидуального “я” человека с абсолютным “Я”, в случае бога – его пробуждение к активной жизни. Вот примерно так в тантре каждой букве приписывался соответствующий смысл, и этот смысл потом распространялся на разные, но, как представлялось древним индийцам, мистически связанные между собой явления культуры. Здесь мы можем усмотреть параллели между древнеиндийскими культурными концептами и некоторыми ближневосточными традициями.

И еще вернусь к тому, о чем говорил Вяч.Вс. Иванов. Индийская традиция письма, безусловно, сочетает и слоговой, и фонемный принципы. Это последовательное изображение слогов, но внутри слоговых структур уже существуют специальные знаки – огласовки – для гласных, которые находятся в позиции после согласного. Если же гласная используется самостоятельно (только в начале слов), она сама образует слог и записывается полным знаком. Не случайно Патанджали, поясняя термин *свара* – древнейший термин для гласного, определяет ее как *сваям раджате*, “сама правит/управляет”. Тем самым подчеркивается особая природа гласной. В этом и состояло приспособление ближневосточного алфавита к древнеиндийской реальности, потому что интеллектуалы того времени – брахманы – понимали, что в языках Индии, хотя бы только в индоевропейских языках, все в значительной степени держится на контрастах гласных, чего нет в семитской письменной традиции, где, наоборот, гласные дополняют консонантный костяк словоформ.

В.В. Вертоградова: Хочу остановиться на двух моментах. Во-первых, шла речь об алфавите (индийском) в связи с проблемой атомизма. Но ни один докладчик ничего не сказал о том, какие же были алфавиты в Индии – кроме названий “деванагари” или “брахми”. Дело в том, что алфавиты были совершенно разные. И в Индии, когда сложилась система фонетики, возникли два алфавита: брахми и кхароштли. Никто не говорит о кхароштли, хотя на нем сохранились тысячи сакральных и деловых текстов. Этот алфавит (употреблявшийся с III в. до н.э. до VI в. н.э.) имеет иные основы, чем алфавит брахми. Кхароштли был, без всяких сомнений, создан на основе арамейского, безогласовочного древнесемитского письма. Направление письма – справа налево. Некоторые знаки имели почти идентичную форму и близкое значение с арамейским. В целом 17 графем арамейского письма (из 22) составили основу знаков кхароштли. Однако часть индийских звуков, не известных арамейскому языку, должны были получить форму и войти в число графем кхароштли. Алфавит находился в постоянном движении, появлялись новые знаки, новые возможности сочетать знаки, изменялась дистрибуция. При этом в общей структуре алфавита, как и в развитии некоторых знаков, особенно с точки зрения фонологии и вокализации согласных, несомненно, влияние другого древнеиндийского алфавита – брахми.

Брахми – алфавит более изученный. В целом он легко “наложился” на раннюю индийскую фонетическую систему, известную, начиная с ранних устных трактатов по фонетике; система *gāṣī* была уже сложена как матрица, наверное, даже раньше текстов по фонетике (см. статью В. Видунаса). Конфигуративно брахми, по-видимому, – местное творение, хотя есть немало гипотез иного его происхождения: от северо-семитского (Вяч.Вс. Иванов) до прото-индского (А. Парпола). Наиболее ранние образцы алфавита брахми – ашокинский брахми и сатаваханский брахми – настолько просты, что в них не видно глубины. Направление письма слева направо. Нет графем для слоговых гласных сонантов *ṛ* и *ḷ*, дифтонгов *aī* и *au*, палатальных и церебральных фрикативных *ś* и *ṣ*. Ранним брахми бывает трудно передать даже группу из двух согласных. Как брахми трансформировался в деванагари и в другие самостоятельные системы письма (тибетское, тохарское и др.), может показать только вся его более чем тысячелетняя история. По-видимому, алфавит брахми, как

и кхароштни, был создан не для санскрита, а для среднеиндийского языка около IV–III вв. до н.э. Бхархут – один из основных памятников (не считая некоторых указов Ашоки), где представлен ранний брахми. Кхароштни широко употреблялся в Центральной Азии. При этом пространство, так или иначе охваченное индийской культурой, разделялось на два региона: Запад, включая Гандхару (алфавит кхароштни), и Восток до Бенгалии (алфавит брахми). Как происходило взаимодействие этих двух индийских алфавитов с иными видами письма (древнегреческим, бактрийским), прослеживается довольно отчетливо. Эту ситуацию я называю социоскрипторной, она требует исследования и в связи с тем, как эти алфавиты “накладываются” на индийские фонетические системы (древнеиндийскую либо среднеиндийскую). Надо заметить, что среднеиндийские системы, подобно древнеиндийским, разрабатывались в специальных трактатах, где применялась система условного пересчета с санскрита на пракрит (грамматика Вараручи “Пракритапракаша”, “Пракритабхаша-лакшана” из “Читрасутры”, 17-я глава “Натьяшастры” и др.). Начала этих сочинений восходят к первым векам до н.э. Главная задача трактатов состояла в том, чтобы перейти от правил построения санскритского текста к правилам построения текста среднеиндийского и реально дать возможность построить подобный текст. Здесь, безусловно, имеется в виду устный текст.

Во-вторых, известно, что древняя индийская фонетика хорошо сохранилась в ранних санскритских сочинениях, которые здесь уже обсуждались. В связи с этим я бы хотела еще раз напомнить, что варны (то, что впоследствии дало основу алфавита) – это были не звуки, об этом уже говорилось. Варны во всей индийской культуре проходят как один из важнейших терминов. Варны выстраивают всю цветовую систему Индии. Варны выстраивают социальную систему – не одну, а две или три. Так вот, варна, например, в цветовой системе, не имеет значения “цвет” (как и в звуковой системе варна – не “звук”). Варна – это чистый условный тип, член матрицы. В ранней древности было четыре варны. В древних частях “Натьяшастры” цветовая матрица представлена в виде четырех варн, позднее добавляется пятая. Эти четверичные структуры во всей индийской культуре появляются и переходят из одной области в другую. Таким образом, варна – это не цвет, а цветовой тип. При этом вся структура подразумевает три уровня: варны как цветовые типы, кроме них выделяются ранги как единицы системы колорита (их тоже четыре), и, наконец, дравьяни – конкретные цветовые пигменты (например, ляпис-лазурь, миробалан). На примерах из нескольких областей видно, что варна относится к метаязыку. Варны – это не отдельные цвета...

В.Г. Лысенко: Классификационный термин.

В.В. Вертоградова: Да. *Варна-крама* (букв. “ход варн”), “ряд”, “перечень” – это и есть устройство культуры. Например, варна-крама 4 + 1 – пятеричная модель. Если посмотреть на индийскую консонантную систему, то вся система согласных – это пять рядов варн, состоящих каждый из четырех смычных и одного носового. Ряды выстроены совершенно одинаково, как и варны в других областях культуры. Подобную же классификацию варн представляет социальная четверичная модель, известная уже в поздних слоях Ригvedы. Далее она трансформируется в пятеричную путем добавления варны яванов, то есть действует та же модель 4 + 1, что и в рядах индийской консонантной системы. При этом можно лингвистически доказать, что варны в фонетике (подобно пигментам дравьяни) не соответствуют реальным звукам (дхвани). Таким образом, перед нами – попытка выстроить мир при помощи этих вот рядов звукотипов варна-крама. На этих же основах была выстроена впоследствии и первая индийская система письма.

Поэтому едва ли следует говорить о фонетическом алфавите в древней Индии. Ибо варны не были звуками, а были в основном звукотипами, или фонемами (если подходить фонологически, особенно если напомнить определение фонемы у Бодуэна де Куртене: “звук, помещенный в уме”).

Однако если представить, что алфавит – это инвентарь графем фонемографического письма (как фригийское или древнегреческое), упорядоченный в стандартную последовательность, то письмо брахми, где графема равна слогу (при этом может равняться и одному гласному), следует считать силлабографическим. В таком случае письмо брахми

следует отнести к так называемым квазиалфавитам. При этом число знаков квазиалфавита будет достаточно большим. В него войдут графемы без членения знака на элементы. Нет единиц внутри слога. По-видимому, следует различать фонологический принцип описания древнеиндийского звукового состава в древних трактатах и принцип системы, лежащей в основе индийского письма.

В целом требует пристального изучения соотношение ранних индийских систем письма и индийского фонетического пространства (древнеиндийского и среднеиндийского). Что касается проблемы атомизма, столь существенной для ранней индийской культуры, то на основании того, что было сказано, кажется, что индийский атомизм едва ли можно связать с проблемным полем, возникшим вокруг индийского письма. Вопросы возникают без числа, но, в общем, я благодарна всем, кто эти вопросы поставил.

Б.А. Захарьин (В.В. Вертоградовой): Первое. Справедливо было указано на важность изучения других древнеиндийских алфавитов, а не только брахми и (дева)нагари. В частности, кхароштри, несомненно позднего письма, вторичного, периферийного для Индостана, явно указывающего на связь с Ближним Востоком, скорее всего, действительно, с арамейским алфавитом. Но почему для пракритских надписей в Центральной Азии понадобился именно кхароштри? Почему было не обойтись каким-то “традиционным” алфавитом, например, брахми? Ответ прост: в буддийских текстах из Центральной Азии использовались не ранние пракриты, а так называемые “средние среднеиндийские” языки, особенностью которых был уже произошедший переход от исторических (древнеиндийских) одиночных интервокальных смычных к щелевым, для отображения которых на письме в алфавите брахми знаков не было, а в кхароштри они были.

Второе. Если продолжить тему разнообразия алфавитов, то следовало бы вспомнить, например, и шарада, древнейшее письмо кашмирских брахманов (“каула” и “баты”), в котором предполагалась фиксация сверхкратких гласных-матра (средней длительностью 40–45 миллисекунд). Матра описывались еще древнеиндийскими фонетистами, с позиции функций они предполагали разные вещи – например, так называемая *i*-матра на самом деле предполагала палатализованность предшествовавшего ей согласного. А, скажем, *a*-матра подразумевала сверхкраткую “шва”, “разбивавшую” так называемую “ложную” группу согласных. Можно говорить еще, к примеру, о южном алфавите грантхи, непосредственно связанном происхождением с брахми и в свою очередь явившемся прародителем многих деканских и юго-восточноазиатских систем письма.

Третье. С чем никак не могу согласиться – так это с утверждением, что брахми появился лишь в III в. до н.э. в связи с потребностью фиксации на письме буддийских пракритских текстов. По-моему, не следует путать использование с происхождением. Из тех индийских алфавитов, которые относятся к глубокой древности и которые до нас дошли, брахми, несомненно, древнейший, являющийся “предком” любых последующих собственно индийских алфавитов. Его связи с семитскими алфавитами (типа финикийского письма) тоже вполне очевидны. Его предшественник появился в Индостане где-то в начале I тыс. до н.э. (а может быть, и раньше), и уже в Индии он был переработан и модифицирован брахманами для нужд древнеиндийской фонетики и фонологии и стал тем классическим брахми, с которым мы знакомы по весьма поздним эдиктам Ашоки и тому подобным текстам. Конечно, справедливо, что древнеиндийская традиция была фоноцентричной, что она в большинстве практических ситуаций прекрасно обходилась без письменного канала связи и относилась к последнему с большим недоверием. Но алфавит-то, хотя и редко используемый, все же развивали, совершенствовали – для санскрита, например. И когда – в связи с серьезными культурно-языковыми изменениями – понадобилась (уже в первые века н.э.!) письменная фиксация забываемых текстов вед, потребовался (дева)нагари, потомок и модификант брахми, и он и был использован в этой функции. Иначе следует предположить, что (дева)нагари с его сложными лигатурами вдруг появился ниоткуда и не был связан с лишенным лигатур брахми. В том-то и дело, что связан! Именно более примитивный в плане внутреннего устройства брахми – предшественник (дева)нагари, и только на основе последовательно-эволюционного подхода к истории индийских алфавитов здесь можно что-то понять.

6. Заключительная общая дискуссия

В.В. Емельянов: Из того, что я услышал, получается так. В VI–V вв. до н.э. на территории Персидской империи и на территориях, близких к ней, шла интеллектуальная работа по вычленению первоэлементов как минимальных единиц мироздания, с которыми потом может работать мысль, отвлеченная от непосредственной производственной деятельности. Это мысль людей, которых можно назвать книжниками, которые заняты исключительно тем, что изучают природу, проводят вычисления и делают выводы. Пока нельзя назвать центр, в котором проводилась эта коллективная интеллектуальная работа, но несомненно, что каждая из трех культур, о которых мы говорили, – вавилонская, индийская и греческая – пользовалась собственными аналогиями при поиске первоэлементов. Греческая культура пользовалась грамматической и буквенной аналогией, индийская культура – фонетической аналогией, вавилонская культура – аналогией с клинописными знаками. Все эти аналогии, по-видимому, внешние, их поставяла каждая конкретная культура. Поэтому непосредственной связи между алфавитом и первоэлементами, между клинописью и первоэлементами обнаружить нельзя – это лишь аналогии.

Что касается атома, то в вавилонской культуре никакого атома тоже нельзя найти – можно найти там только первоэлементы мироздания, сопоставляемые с клинописными знаками. Меня в связи с этим очень заинтересовал доклад М.М. Шахнович, потому что он ведет к связи между атомизмом и преанимизмом. В культурах древнего Востока с шумерских времен существовало представление о силах, которые распространяются порциями и из которых состоит все живое, либо они вживлены в живое и живое невозможно без них. Ближайшим примером таких сил являются шумерские МЕ. Они нисходят с неба, с небесных звезд, они распространяются порциями и они являются основой мироздания. Это переключается с тем, о чем говорил Тауфик Ибрагим. Мы здесь имеем проблему происхождения арабской философии из предшествующих традиций Ближнего Востока. Атомизм – это одна из точек зрения на устройство мира, которые проповедовали мутакаллимы, а калам зарождается в Ираке, в тех самых местах, где когда-то существовали еврейские, сирийские, персидские богословские школы, а до этого там была шумеро-аккадская традиция. Там как раз жили те самые люди, один из которых написал процитированный мною в докладе текст. Он происходит из города Куту. И существует большой вопрос о связи арабского атомизма с предшествующими традициями, и в частности – с традицией месопотамской. Когда я читаю тексты мутакаллимов, то кое-что там нахожу и в плане аналогий, и в плане влияний.

Если же говорить о едином процессе, то я бы сказал так. Начиная с XIII в. до н.э. идет поэтапный процесс дискретизации мышления, который проходит две стадии. Первая – это стадия превращения словесно-слогового письма в алфавит на протяжении XIII–XII вв. до н.э. Сперва формируется угаритская 30-значная буквенная клинопись, а в египетской иероглифике начинают обозначать части слогов, условно говоря – морфемы внутри словесно-слогового письма. А потом появляется протосинайское и протобиблское письмо. Здесь мы имеем сперва части слогов, а потом уже буквы. Значит, впервые этот процесс дискретизации происходит с алфавитом. А на второй стадии мы видим тот же самый процесс, который происходит с речевыми единицами и с поиском первоэлементов. Это формирование грамматических теорий и одновременно формирование философских представлений о минимальных единицах.

И весь этот антропологический процесс является частью того исторического процесса, который мы в это время видим в древнем мире. Распадаются крупнейшие древние государства, происходит первая Троянская война, исход евреев в Палестину, формируются новые политические центры, наступает период политического возвышения Ассирии, и Ассирия предшествует Персидской империи. В эту эпоху начинается мучительное блуждание человечества по разным землям. Люди отрываются от земли, становятся странниками и проходят довольно большие расстояния. Люди очень заинтересованы в том, чтобы найти место, где нет войны, где нет огня. Они идут вперед, и каждая точка пространства вспыхивает новым огнем после того, как новые поселенцы в ней оказыва-

ются. Катастрофы преобразуют жизнь человечества таким образом, что складывается библейско-гомеровская культура, порождающая впоследствии и западную цивилизацию (как и переход к алфавиту, это начинается с XIII–XII вв. до н.э.). Это порождает две империи – Ассирийскую, в которой уже идет работа над первоэлементами, и Персидскую, в которой возникают тексты по вычислительной астрономии и представления о богах как числах.

А в Греции и в Индии в это же время идет работа по формированию философского представления о том, что такое эти минимальные единицы, как с ними работать и из чего состоит мир. То есть мы должны воспринимать процесс формирования атомизма не с точки зрения каузальной связи между письмом и категорией атома, а как часть всемирно-исторического процесса, который существенно повлиял на сознание человека, на формирование дискретных единиц в мышлении человека. И все это, конечно, является следствием отделения человека от общины и государства, когда человек ходит неприкаянным странником, никто его не арестовывает, не записывает в демоны, а он ходит по миру и свободно учится в разных землях у разных мудрецов. И результатом этого является уже какой-то синтетический взгляд, опосредованный не только собственной культурой, но и теми познаниями (пусть даже достаточно внешними), которые человек получал на протяжении своих странствий. То есть атомизм обязательно связан с новым типом человека – с человеком как индивидуумом.

А.В. Лебедев: Одно замечание по поводу индивидуальности атомов. Это ошибка, смешение языка и метаязыка. Логика такая: *individuum* – латинский перевод греческого *ἄτομον*, а индивидуум связан с индивидуальностью... Так вот, коннотации с индивидуальностью не содержатся в древнем термине. Демокритовское *ἄτομος* означает просто “неразрезаемый”. Это чисто физический термин, в нем нет никаких моральных коннотаций. Кроме того, демокритовские атомы безличны. Аристотель (*De Caelo*) говорит, цитируя атомистов, что атомы абсолютно одинаковые, как если бы они все были из золота. Они различаются только формой и величиной, больше ничем. Они безличны, это просто такие твердые куски, вечные, которые нельзя ни разбить, ни разрушить, ни взорвать, которые вечно летают по законам механики в космосе. Вот что такое атомы Демокрита.

А.И. Кобзев: Речь шла о том, чтобы доказать или показать не индивидуальность атомов, а наоборот, неделимость индивидов. Цицерон с его “индивидом” – явление более позднее, но имелось в виду другое влияние. Выработанный в культуре общий стандарт неделимости первоосновы переносится на индивида, чья неделимость трактуется как идеальная. Потому что он мыслится как душа неделимая и вечная, хотя нет никаких указаний свыше, что индивид должен мыслиться именно так. Например, в Китае он мыслился, наоборот, как делимый и невечный.

Г.В. Вдовина: Мы с нашими схоластами здесь присутствуем на чужом пиру. Но такое пограничное положение дает свое преимущество. Здесь прекрасно была зафиксирована начальная точка алфавитного подхода к языку, к реальности, указаны связанные с этим социальные процессы и т.д. Что же было на противоположном конце? Весь этот мир поиска формальных соответствий, типологизаций, вся эта архаика, которой посвящен наш круглый стол, в XVII в. медленно начинает отплывать назад. Но сами люди, которые завершают эту традицию и начинают что-то новое, в этой же традиции выросли. Они глядят назад, видят этот уплывающий мир – а что с другой стороны? Из конечной точки этой старой традиции рождается не что иное как современная философия языка. В XVII в. происходит радикальный поворот от формальных поэlementных сопоставлений к осознанию того, что такое речевые акты. И выдвигаются идеи, которых никогда не было раньше. Например, рассуждение о том, что формальный язык (кодифицированный в словарях), слова, которые там фигурируют, обладают некоторым формальным значением. Но те слова, которые мы употребляем в реальных ситуациях коммуникации, приобретают вдобавок к этому устойчивому формальному значению другой компонент, который у теоретиков этого времени получает название “интенсивного значения”. Это тот объем содержания и те связанные с ним смысловые и прочие коннотации, которые возникают в процессе бесе-

ды у слушающего, с одной стороны, и у говорящего – с другой. Интенсивные значения не обязаны совпадать, в отличие от формальных значений, без которых просто не состоится акт общения. То есть знание общего языка, общих формальных значений предполагается. Но дальше идет выстраивание собственных интенсивных значений. Их наполнение зависит от образованности каждого из участников диалога, от личного опыта, от общего культурного горизонта и т.д. И только совокупность формального и интенсивного значений дает то, что называется мерой значения, то есть полное значение слова как смыслоносителя в реальной ситуации общения. И дальше в этих же текстах исследуются условия, при которых возможно взаимопонимание в беседе, при которых речевой акт может состояться. Исследуются они довольно подробно, рассматриваются разного рода дефектные случаи, выявляющие необходимые элементы речевых ситуаций, которые в норме можно не заметить, пропустить. Когда это все читаешь неторопливо, возникает впечатление, будто читаешь Сёрла или Стросона или еще кого-то из современных китов философии языка: настолько близки мыслительные ходы и подходы. И вот вопрос, который не имеет пока ответа, но мне он интересен: есть мир архаики, есть мир современной философии языка, а есть XVII в., точка, где одно рождается из другого. Мне кажется на нее стоит обратить внимание.

Н.А. Канаева: Такие междисциплинарные и межрегиональные дискуссии, направляемые философами, чрезвычайно полезны. Собственно, наша дискуссия стала наглядной иллюстрацией работы философии в культуре. Когда мы на лекциях говорим, что функцией философии является помощь частным дисциплинам в постановке их проблем и во вписывании полученных результатов в систему наличного знания, это звучит как бессмысленное утверждение. Проведенный “круглый стол” является эмпирической верификацией этих утверждений. И продолжать встречи, безусловно, нужно, потому что налицо было желание всех “узких” специалистов понять, что говорят другие, а это уже первый шаг к выходу в общекультурный контекст, переходу к диалогу.

Что касается концепции А.И. Кобзева, то мне сразу же было понятно, что она во многом искусственна, так как связи атомизма с повседневной практикой, в которой все делится на части или на доли, более вероятны. История культуры дает нам много примеров того, как самая простая обыденная практика становится источником объяснительных схем (религиозных, политических, когнитивных). Но так или иначе концепция А.И. Кобзева очень полезна в качестве рабочей гипотезы, провоцирующей ситуацию диалога специалистов и стимулирующей творческий поиск.

В.Г. Буданов: Хочу высказать некоторые замечания, чтобы перебросить мостик к другим современным теориям. Вы знаете, что по нынешним представлениям мир состоит из элементарных фермионов – кварков и лептонов. Всего их двенадцать, это своеобразные “двенадцать апостолов”, или еще их называют “эльфами” – ну, хоть новую мифологию строй! Половина из них – лептоны – действительно летают вокруг нас, пронизывают нас, а вот кварки никогда не могут быть проявлены в свободном состоянии. Кварки обладают свойством связанности – confinement, “удержания”. Они пленены по трое или по двое. Вот вам и фонемы, морфемы микромира... Я сейчас проведу другую аналогию: мы просто построим свой музыкальный алфавит. Мое глубокое убеждение – что многие лингвистические вещи рождались из искусства. А искусство – это отклик нашей антропологической природы на феномены реальности.

Можно играть на пиле или, скажем, на реохорде (на одной струне), можно пробовать обучить кого-то такой игре, но на них нет ступенек, ладов. Ступеньки – это некое дискретное начало. Как оно родилось? Если у вас нет культуры и вы не помните соответствующих тонов, то это всё равно что играть на пиле. Это полный континуализм. Как появляются ступени? Фактически это пифагорейская традиция, где родилось созвучие – консонанс и диссонанс. Обязательно нужно два звука: один звук не породит дискретность. Обязательно нужна соотнесенность. Атом не одинок, он вписан в эту реальность, и у него есть соотношения с другими объектами, другими атомами. И как только вы берете два звука, то оказывается, что возникают резонансы. Соответственно, у пифагорейцев это были квинты и позже кварты, в Средние века появились терции, стали

этот алфавит усложнять, где-то в эпоху Возрождения – сексты. Это все консонансы, что Кеплер потом прописал в “*Harmonica Mundi*”. Так родилась современная теория гармонии. Она рождалась из практики восприятия. Это тоже алфавит, но попроще. И мы сейчас видим: хотя мы вроде бы извлекаем один звук, но мы помним, где у нас была тоника, и все это выражается в некоем музыкальном произведении только через соотношение. Чистый тон не является смыслопорождающим и чисто численным, пока нет соразмерности с чем-то еще.

Игра на пиле ближе, наверное, к иероглифике, к китайской традиции. Характерное интонирование – его же, наверное, не очень строго можно предъявить. Напойте мне, как оно звучало, и если у меня хороший слух, я могу повторить, как оно звучит, а если нет? А если это другая культура? Тогда надо учить китайский.

Эта аналогия может быть продолжена и в цветовую сферу, причем надо брать, конечно же, не ньютоновскую теорию цвета, чисто физическую, а теорию Гете. Гете – поэт и естествоиспытатель, который пытался строить физику с “человеческим лицом”. И фактически немецкая школа (Гельмгольц, Мах) это отчасти продолжила, сейчас это все забыто, но уже начинается возвращение к этому.

Я хочу подчеркнуть, что здесь не совсем тот атомизм, что в физике. Физика все-таки имеет дело с энергией и материей. Мы же имеем дело с информацией. Поэтому здесь, с одной стороны, вроде бы ипостась следующего уровня (такая информационная ткань реальности), но с другой стороны, антропологические фильтры – наши. Поэтому когда вы говорите про ненаблюдаемые паузы, то я вспоминаю Бергсона: выделяются примерно две секунды “здесь и сейчас” как смысловая единица и атемпоральный промежуток, который мы уже не улавливаем. Где эти промежутки расставить?

Мне кажется, что первые сакральные тексты как раз и отличались музыкальностью, внутренним резонансом. Не случайно в орфической культуре храмовый музыкант был вторым лицом после жреца.

Можно подключить сюда корни порождения знаковых систем через искусство и через те антропологические измерения, в которых мы сейчас только смысл и усматриваем. Но ведь есть еще категории состояния души, и Демокрит здесь будет очень уместен. Просто антропологическая сфера не достроена, и в ее частичных кодах, по-видимому, задачу до конца не удастся решить.

В.Г. Лысенко: Наш разговор показал, что внутри каждой дисциплины существуют свои конфликты идей. Особенно это проявилось в дискуссиях по античности. В индологическом блоке царилла большая солидарность, хотя по вопросу о том, повлияло ли на развитие атомистического подхода в Индии письмо, точка зрения Б.А. Захарьина несколько отличалась от остальных. Он допускает такую возможность, что дало повод А.И. Кобзеву утверждать, что и в случае Индии можно говорить о влиянии на становление атомистического подхода письменного алфавита. А.И. Кобзев, насколько я поняла его, исходит из того, что если алфавитное письмо уже изобретено и существует в других культурах, то распространение его влияния исключить нельзя. Однако никаких доказательств такого влияния на индийскую фонетику – ни прямых, ни косвенных пока не обнаружено. Как сказала В.В. Вертоградова, до IV–III вв. до н.э. никакой письменности в Индии не зафиксировано. Она же объяснила, что на алфавит кхароштии повлияло арамейское слоговое письмо, а алфавит брахми, скорее всего, является автохтонным, и что эти алфавиты создавались для праkritов, разговорных языков, а не для санскрита – основного языка религиозной традиции, в рамках которой и возникают первые фонетические классификации. Самые древние фонетические тексты, в которых впервые вырабатывается атомистический подход, по мнению специалистов, датируются VI–V вв. до н.э.; о письменности, датируемой этой эпохой, на территории Индии нет никаких достоверных свидетельств. Более того, алфавиты индийских языков построены на основе фонетических классификаций, тогда как все другие алфавиты не обнаруживают очевидных принципов (непонятно, почему после А следует Б). Даже после того как тексты были записаны (в буддизме это случилось раньше, чем в брахманизме), в индийской лингвофилософии все обсуждаемые проблемы связаны только с устной ре-

чью, с ее артикуляцией и восприятием с голоса. Не случайно крупнейший современный специалист по индийской традиционной культуре Шелдон Поллок назвал индийскую традицию “фоноцентричной”, и по этому вопросу никаких расхождений между специалистами нет.

Что касается китайской и мусульманской традиций, у нас сегодня не было возможности узнать разные точки зрения. Это тоже было бы полезно, и нам следует подумать о том, чтобы специально собрать исламоведов и синологов и обсудить с ними нашу гипотезу. Хочу подчеркнуть, что совместное обсуждение с разных культурных и цивилизационных позиций чрезвычайно важно для того, чтобы каждый мог ясно увидеть, что объединяет и что разделяет изучаемые нами традиции, а также посмотреть на собственную традицию из топоса другой культуры.

Благодарю всех вас за то, что вы сумели создать такую великолепную полифонию. Хотя каждый из нас, возможно, останется при своей точке зрения, но хотелось бы верить, что мы услышали друг друга!

7. Реплики заочных участников “круглого стола”

В.Б. Касевич: Следует рассмотреть атомарные и неатомарные единицы на разных уровнях языка и речевой деятельности. Уровни языка суть результат проекции уровней речевой деятельности на языковую систему. В отвлечении от макровремени (времени диахронических изменений), единицы всех уровней и системы в целом находятся вне времени. Переход от системы к речевой деятельности есть введение временного измерения. Формат уровня задается форматом его минимальной единицы. Единицы данного уровня функционально равны вне зависимости от атомарности/неатомарности. Особое место в языке занимают уровни фигур (противопоставленные знаковым уровням): это семантика и фонетика. Только на этих уровнях есть принципиально несвободные единицы – кварки. Будучи полярными сферами языка и речевой деятельности, семантика и фонетика обнаруживают целый ряд релевантных схождений, функциональных и структурных.

Набор уровней, свойства центральных для них единиц существенно зависят от “пояса” языка – его типологии. Есть языки слоговые (силлабемные), а есть – неслоговые (фонемные). В принципе, с определенными оговорками, можно сказать, что они отличаются тем, какая фонологическая единица в них выступает атомарной – фонема или слог. Но языки не могут быть континуальными (континуалистскими). У них может быть разная фонологическая логика, однако “какая-то” фонология быть должна. Фонология же – всегда дискретна. Континуальна фонетика.

Алфавитность/фонемность и атомарность объединяет общий принцип: редукционизм. В обеих ситуациях мы всё, что наблюдаем в определенной сфере, сводим к конфигурациям определенных “примитивов”-атомов. Направление заимствования – от атомов к фонемам/графемам или наоборот – имеет преимущественно исторический интерес. Не исключено, что это проявления одного и того же парадигмального принципа. В качестве аналогии можно сослаться на принцип относительности: некоторые авторы полагают, что теория относительности в физике и теория лингвистической относительности не случайно появились почти одновременно. Таков был интеллектуальный климат эпохи, или, по мнению некоторых авторов, проявление особого “принципа тематичности” в развитии наук (сродни парадигме Куна, но в интердисциплинарной перспективе). Впрочем, в пользу “первородства” алфавита может говорить то обстоятельство, что воспроизводящиеся элементарные единицы в случае алфавита (и даже фонем или их рефлексов) мы в определенной степени наблюдаем, а атомы – нет, это в большей степени гипотетические, эвристические сущности (как минимум, они были таковыми до появления соответствующей техники).

Варна вряд ли равна фонеме. Термин гораздо больше походит на *цзы* в китайском: одновременно слог, слово, иероглиф. Восходящие к брахми письменности можно квалифицировать как слоговые. То, что считают особыми знаками для гласных, в действительности суть знаки для слогов с нулевой инициальной (и определенными гласными-финалями).

Не следует преувеличивать специфичность китайской мысли. В даосизме можно усмотреть некоторые аналогии с платонизмом. Так, согласно учению *игуань-дао*, существуют небесные формы, которым на земле соответствуют определенные эквиваленты. Есть “небо образов” и прочее. Наконец, к вопросу о специфичности, влияниях и т.п. До знакомства с санскритом китайская филология слоги никак не членила, воспринимая их как элементарные атомы. Классифицировались именно слоги, а не согласные/гласные.

А.Ю. Недель: Были ли Левкипп и Демокрит пифагорейцами? Атомы Демокрита (читай: Левкиппа, который, конечно, не фиктивный персонаж, как считал Э. Роде) – это не только буквы, из которых сделана Вселенная, но и геометрические идеальности, как точка. Левкипп, по некоторым свидетельствам, учился у Зенона и через него был напрямую связан с философами из Элеи. Эти последние, в свою очередь, отшлифовывали далее пифагорейский “атомистический” язык описания, который наследует и Левкипп, и многие другие: атомы – неделимы, бесконечно малы, однородны (ὁμοφύεις), бескачественны (ἄποιοι), внутри атомов материя находится в абсолютном покое и т.п. Атом – предел не только физический, но и ментальный, то есть мы не можем разделить его даже в нашем мышлении (подобная характеристика атома радикально изменится только в физике XX в.). Это очень важный момент, помогающий лучше понять, как мыслит наука.

Левкипп выставляет фундаментальные ограничения именно мышлению: невозможно помыслить разделение атома; невозможно даже представить скорость, превышающую скорость света, скажет Эйнштейн две с половиной тысячи лет спустя. Замечу, что существует как минимум еще одно важное сходство между Левкиппом и Эйнштейном: оба были детерминистами, то есть исключали случайность из своих концепций. Концептуально Левкипп все же оказывается ближе к Ньютону – и тот и другой защищали идею абсолютного пространства (при этом стоит помнить, что у Ньютона в третьей части “Математических начал натуральной философии” абсолютное пространство имеет не физический, а математический смысл). По сравнению с вещами эмпирического мира, атомы бесконечно малы. Эту мысль разовьет Эпикур в своей теории единой минимальной величины, в чем-то превосхитив работы о пределах А. Коши и его коллег.

Удивительно еще и то, что Левкипп не только ограничивает мир и сознание атомами, но и определяет параметры их поведения, задавая своего рода векторное поле. У атомов есть поворот, спин. (В современной физике спином называют собственный момент импульса элементарной частицы. Спин обладает квантовой природой и не связан с перемещением частицы как целого. В случае атомного ядра спин определяется как сумма векторов, образующих систему, и орбитальных моментов этих частиц, обусловленных их движением внутри системы. Подробнее см.: *Tomonaga S. The Story of Spin. Chicago, 1998.*) Атомы могут касаться друг друга, у них есть очертания, или внешняя форма, как позже разъяснит Аристотель; их главная кинетическая характеристика – способность к вихревому движению. (Крайне любопытно: Демокрит описывает движение атомов словом *παλμός*, “вибрация”, “тряска”, что перекликается с идеей *vrtti* у Абхинавагупты или у Патанджали.) Отсюда происходят все возможные конфигурации миров – диакосмосов – и всего, что в них находится. Еще одна параллель с современной физикой: Левкипп, как позже и Лейбниц, считал, что наш мир – один из бесконечного множества. В 1956 г. сходную концепцию множественности миров предложил в своей диссертации физик Х. Эверетт. К слову: говоря об атомарной причине всего существующего, об атомах как выразителях необходимости (ἀνάγκη), Левкипп сближается с буддийской концепцией взаимозависимого возникновения (*pratītya-samutpāda*), суть которой состоит в том, что не может быть ничего, кроме постоянного дхармического преобразования, кроме моментального возникновения–исчезновения причины в следствии, представляющего универсальную матрицу Вселенной.

Был ли Демокрит пифагорейцем, как считали Главк Регинский, Аристотель, затем Ямвлих, а в наше время такие исследователи, как Э. Целлер и П. Таннери? Чтобы дать даже приблизительный ответ на этот вопрос, следует прояснить, что означало тогда “быть

пифагорейцем”. Вернувшись из двадцатилетнего путешествия-плена в Кротон, Пифагор организовал школу, по сути закрытый научный орден, где знания не только передавались, но и тщательно охранялись от непосвященных. Демокрит не мог быть одним из посвященных из-за разницы в эпохах, но он, как и все остальные интеллектуалы, не мог и не знать о пифагорейцах, которые были чуть ли не самыми влиятельными глашатаями мудрости. Известно сочинение Демокрита “Пифагор”, где он выступает вполне сведущим пифагорейцем, разделяющим этическую теорию Учителя (об эвдемонии), соглашаясь с Пифагором через подставное лицо – Демокета, о котором упоминает Геродот. (См.: *Лурье С.Я.* Демокрит, Демокет и персы. Доклады Академии Наук СССР. 8. 1929.) Напротив, в сочинении “Об Аиде” Демокрит критикует учение Пифагора о бессмертии души (метемпсихозе), описывая смерть как естественное состояние организма, истратившего жизненную энергию и вернувшегося к изначальному атомарному состоянию. Демокрит использует термин *μορφαί*, который вместе с “образами” (*εἶδαί*) передавал идею начальности и неделимости. При этом он вслед за Левкиппом неоднократно называет атомы *ἰδέαι* (например, в сохранившихся отрывках сочинения “Об идеях”), что, видимо, следует считать синонимом *ἄτομοι* (неделимые тела), как и *ἐλάχιστα σώματα* (наименьшие тела).

Демокрит отвергает смерть. Возможно, в этом следует видеть не столько его философские разногласия с Пифагором, сколько стремление поставить под сомнение ряд социальных институтов, которые казались ему порочными. Так, захоронение за пределами родного города – остракизм *post mortem* – считалось суровым наказанием за растрату отцовского имущества. Но это лишь наказание для тех, кто боится смерти, то есть эпистемологически ошибается.

Мой тезис: в первой половине V в. до н.э. “быть пифагорейцем” означало не принадлежать к “ордену Пифагора”, который к тому времени уже распался на множество отдельных учителей, фрагментарно воспроизводивших учение основателя (как Экфант Сиракузский), а использовать пифагорейский концептуальный корпус, который позволил именно в этот период произвести, как бы мы сказали сегодня, смену парадигм. Левкипп и Демокрит были, несомненно, участниками этого парадигматического сдвига, который заключался в “атомизации” мышления об окружающем мире: единому бытию противопоставили бытие как множество бесконечных элементов.

И.А. Герасимова: Я не разделяю гипотезу, что алфавитное письмо могло служить предпосылкой возникновения атомизма. Скорее, сравнение с алфавитным письмом использовалось как прием аналогии, возможно, сначала для пояснения сущности атомистики, но в дальнейшем – как эвристическая аналогия в построении рациональных атомистических концепций.

Почему я не усматриваю прямой связи алфавитного письма с возникновением атомизма? С точки зрения концепции когнитивной эволюции стоит принять во внимание вывод, что в период древних цивилизаций на смену магии как доминирующему способу мировосприятия и миропонимания шел логико-рациональный способ познания. Изобретение и распространение письма, в том числе алфавитного, стимулировало развитие логико-вербального мышления, которое стало в дальнейшем основой научного рационализма. Чтобы осознать строение материи на глубинных уровнях, магам речь просто не нужна, достаточно иметь способности непосредственного усмотрения сущности, мистического созерцания.

В молодой древнегреческой цивилизации, ставшей преемницей старых цивилизаций Египта и Вавилона, шли процессы “перевода языка символов”, которым оперировала магия на понятный язык зарождавшейся натурфилософии и формирования рациональности нового типа, опиравшейся на доказательные рассуждения. В традиционной системе образования “учитель–ученик” метод аналогии становится ведущим в передаче метафизического смысла как посвященным, так и непосвященным именно потому, что аналогия соединяла привычный опыт с тем, что выходило за его пределы. Для пояснения сущности атомистики аналогия с алфавитным письмом – хороший эвристический прием.

Что касается гипотез относительно интерпретации конкретных текстов древнегреческих авторов, мне бы хотелось несколько по-иному осветить те проблемы, которые обсуждает А.В. Верлинский. Примем во внимание те практики, которые реально стояли за натурфилософскими рассуждениями. Согласно Плинию: “Доподлинно известно: Пифагор, Эмпедокл, Демокрит и Платон пускались в плавание, чтобы изучить ее [магию], переживая скорее изгнания, нежели путешествия. Ее они проповедовали по возвращении, ее держали в секрете” (Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М., 1989. С. 337). Что же держалось в секрете? Астрология и ее приложения, в частности, в медицинской практике. Попробуем провести различия между космическими элементами (стихиями) и атомами, опираясь на представления астромедицины, подтверждая тем самым вывод Верлинского: «Stoicheion в значении “космический первоэлемент” не ассоциировался с атомизмом и поэтому перенос этого слова на космические первоэлементы вполне могло произойти без влияния аналогии буквы–атомы, даже если подобная аналогия присутствовала в раннем атомизме».

Эмпедокл, врач и натурфилософ, учил о шести критериях истины, выделив два деятельных начала – Любовь и Ненависть – и четыре материальных – землю, воду, воздух и огонь. Эмпедокл не изобретал “четыре элемента”, а обнаружил принципы гуморальной медицины (учения о четырех жидкостях организма) – древнейшего учения, известно как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке. Гуморальная медицина непосредственно опиралась на астрологическое понимание стихий и базовую классификацию их сочетаний по двум типам противоположностей: теплое–холодное, сухое–влажное. Распространенный метод диагностики веществ по вкусам в своей основе имел четыре элемента.

Древнейшая геоцентрическая система мира имела астрологическое значение. В центре земного Зодиака помещалась Земля как фиксированная точка отсчета. Годовой жизненный цикл Земли начинался весной с пробуждением природы и заканчивался зимой ее угасанием. Четыре космических элемента, их качества и композиции определяют динамику звездных сочетаний и ее отражение в земных процессах. Годовой солнечный и годовой лунный круги служили основой календарей, в том числе медицинских, учитывающих ритмику активности и пассивности органов, систем организма, сбора лекарственных средств, диеты, лечения и пр.

Суть космического влияния на земную жизнь выразил Эмпедокл, выделив Любовь и Ненависть как два деятельных начала. В переводе на современный язык психологические образы можно заменить одним понятием – магнетизм, а их динамику – как смену полярностей. Земной Зодиак выстраивается по принципу магнетизма и описывается на языке противоположностей. Излагая магиго-герметические учения, в Средние века Корнелий Агриппа в трактате “Оккультная философия” подробно описал принципы звездной науки, в том числе астромедицины.

Аристотелевское сопоставление stoicheion в значении “буква, звук” и “космический элемент” представляется уместным в контексте представлений о космическом магнетизме. “Космические элементы” можно интерпретировать как “космические первозвуки” (энергии), с помощью которых выстраиваются матрицы магнитных полей в годовом круге движения Солнца по эклиптике. Примечательно, что если теория суперструн окажется верна, то электрон будем считать отзвуком звучащей струны.

Сопоставление греческими атомистами атомов с буквами представляется вполне логичным, поскольку демонстрирует применимость ставшего в настоящее время общенаучным генетически-конструктивного метода как в области физического строения материи, так и в области языкового творчества.

Как атом, “изменивший пространственное положение, может изменить свои свойства” (Верлинский)? Заслугой Платона является указание на роль геометрии в пространственном строении материи. Свойство хиральности молекулярных соединений является пространственной характеристикой живого: в зависимости от левой или правой ориентации атомов в молекуле меняются ее свойства. С развитием нанотехнологий стало ясно, что определенная пространственная конфигурация наночастиц задает физические, химические и биологические свойства материалов. Стихии, по Платону, не совсем не сопостави-

мы с атомами, если понимать атом как целостность. Правильные многогранники Платона задают тела стихий. Стихии кристаллизуются по законам геометрии, как, впрочем, и атомно-молекулярное строение вещества, и блочно-ячеистое строение Вселенной. У современной науки нет возможности определить, что такое “космический элемент”, но можно с уверенностью сказать, что пространственная кристаллизация является универсальным свойством материи.